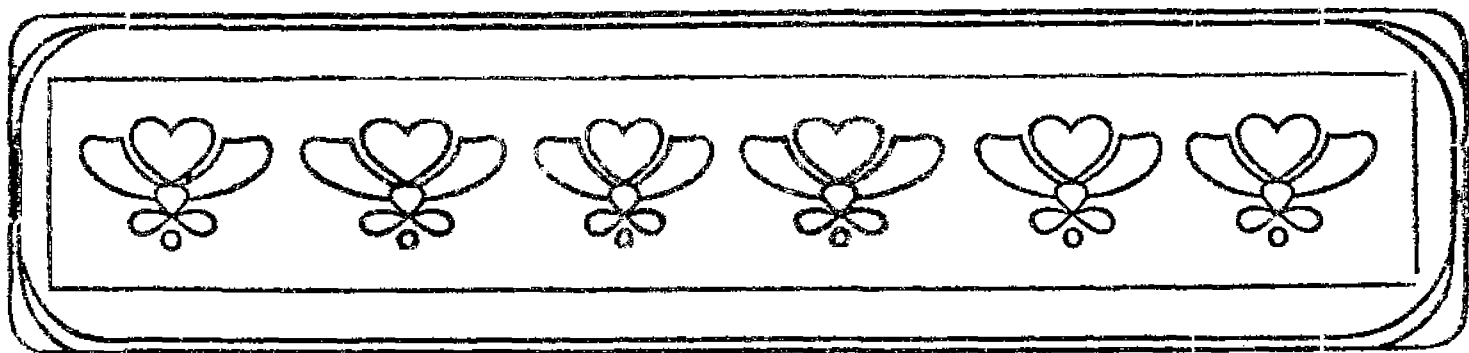

Еще о дѣтствѣ и юношескихъ годахъ.

(1850—1860 годы).

I.

Чѣмъ дальше въ дѣйствительной жизни уходишь отъ дѣтства и ранней молодости, тѣмъ ближе они становятся въ воспоминаніи и тѣмъ сильнѣе влекутъ къ себѣ. Зрѣлый возрастъ, осуществленіе того, къ чему стремилась и готовилась юность, то, что въ сущности и есть сама жизнь, кажется достаточно безразличнымъ, тусклымъ, не выполнившимъ обѣщаннаго. На самомъ дѣлѣ оно вѣроятно не такъ, но несомнѣнно одно,—что лишь дѣтству и юности свойственны такая все охватывающая непосредственная радость бытія, беззаботное умѣнье наслаждаться настоящимъ и сила любви и привязанности къ людямъ и вещамъ,—любви безкорыстной, неимѣющей ничего общаго со страстью, довольствующейся малѣйшимъ вниманіемъ—и благая вѣра въ то, что всѣ люди хороши за исключеніемъ особаго, малочисленнаго къ тому же, класса злыхъ людей, которые таковыми уже рождаются и поневолѣ выполняютъ свои злодѣйскія обязанности. Въ совершенномъ возрастѣ обычно отсутствуетъ естественно присущее дѣтству чудное свойство всепрощенія и забвенія обидъ, столь облегчающее и упрощающее жизнь. И много другого тя-

желаго и плохого, охватывающаго зрѣлый возрастъ, нѣтъ въ дѣтствѣ. Вотъ почему, думается, оно такъ мило намъ.

По поводу „злодѣевъ“ вспоминаю, что ихъ тогда, въ дѣтствѣ моемъ, было двѣ категоріи—историческіе и наличные; къ первымъ относились, конечно, Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ. Что касается Мазепы, то мы колебались; онъ у насъ состоялъ „въ подозрѣніи“—каковой приговоръ въ дореформенное время провозглашался не только дѣтьми, но нерѣдко и тогдашними уголовными Палатами. Изъ наличныхъ, близкихъ намъ злодѣевъ мнѣ особенно врѣзался въ память одинъ казенный лѣсничій, фамилію котораго я давно забылъ, обвинявшійся въ томъ, что онъ напоилъ, съ непонятной для насъ—дѣтей цѣлью, молодую крестьянку—красавицу, служившую у него кухаркой, отваромъ или настоемъ изъ шпанскихъ мухъ, отчего та умерла, а его должны были судить, и кто-то изъ нашихъ сосѣдей, при полномъ, впрочемъ, осужденіи такихъ рѣчей нашими домашними, говорилъ: „изъ за какой то бабенки можетъ пропасть порядочный человѣкъ“! Мы тоже, помню, не одобрили словъ защитника лѣсничаго, а его самого причислили къ профессиональнымъ злодѣямъ. Боялись мы и считали злодѣемъ одного бывшаго нашего же двороваго, отпущеннаго отцомъ на волю, такъ какъ про него шла молва, что онъ изъ-за мести къ кому-то учинилъ поджогъ, рассчитывая сжечь при этомъ своего врага. Злодѣями признавались также сосѣдняя помѣщица, истязавшая дворню, и одинъ нашъ знакомый, совершенно не вѣрившій въ Бога, не соблюдавшій постовъ, не ходившій даже въ церковь и пившій вмѣсто водки, маленькими глотками, скипидаръ. Кромѣ злодѣевъ, лично намъ извѣстныхъ, [къ : ихъ же категоріи мы относили огуломъ бѣглыхъ каторжниковъ и такихъ же солдатъ. Обычный тюремный сидѣлецъ, хотя-бы лишенный всѣхъ правъ состоянія, былъ въ об-

щемъ нормальный, быть можетъ даже хорошій человекъ, но стоило ему бѣжать и появиться гдѣ-нибудь поблизости, таясь днемъ въ лѣсныхъ трущобахъ и питаясь ягодами и кореньями, какъ на такого человека падало клеймо злодѣйства, и онъ вызывалъ у всѣхъ, не только у дѣтей, отчаянный страхъ. Припоминаю, однако, что и къ этимъ страшнымъ людямъ у насъ проявлялась жалость, и когда старшіе заговаривали о томъ что „чего эта полиція дремлетъ, давно надо сдѣлать облаву и взять бѣглаго“, то намъ эта мѣра не нравилась, и мы въ глубинѣ души сочувствовали тѣмъ смѣльчакамъ изъ нашихъ крестьянъ, которые, по рассказамъ горничныхъ въ дѣвичьей, носили бѣглымъ, конечно ночью, въ лѣсѣ пищу,—краюху хлѣба съ солью, огурцы и горшокъ съ кашей. Разумѣется, злодѣями же мы считали и боялись разбойниковъ, вооруженныхъ дубинками и кистенями, нападавшихъ по большимъ дорогамъ на проѣзжихъ, не только грабившихъ, но и убивавшихъ оказывавшихъ имъ сопротивленіе путниковъ. Разбойники, какъ доподлинно было всѣмъ извѣстно, сидѣли всегда на большой дорогѣ, въ оврагѣ, подъ мостомъ, и въ моментъ вѣзда экипажа на мостъ выскакивали, останавливали лошадей, хватая ихъ подъ уздцы, и дѣлали свое злодѣйское дѣло. Въ ту пору такія нападенія совершались не только въ рассказахъ, но и въ дѣйствительности, и не на Кавказѣ, какъ оно принято теперь, а достаточно повсемѣстно. Но конечно въ болтовнѣ о разбойникахъ и о бѣглыхъ солдатахъ много было преувеличенія, прямо легендарнаго.

Вспоминаю одну особу, которую мы въ дѣтствѣ, отнюдь не относя ее къ категоріи злодѣевъ, боялись; она внушала намъ таинственностью и оригинальностью своей жизни даже суевѣрный страхъ. Это была уже немолодая женщина, по имени Екатерина Ильинишна, жившая въ сосѣдней со Спасскимъ Сосновкѣ, на усадьбѣ Прокуниныхъ. Она по собственному желанію помѣстилась

въ одной изъ стоявшихъ во дворѣ холостыхъ построекъ, кажется, служившей внизу амбаромъ, а во второмъ этажѣ кладовой, и тамъ въ неотапливавшейся комнаткѣ—чуланѣ проводила и лѣтніе и зимніе мѣсяцы, никогда не зажигая огня и покидая свое жилище лишь разъ въ день для совмѣстнаго съ женской домашней прислугой Прокуниныхъ обѣда, во время котораго она всегда хранила молчаніе. Что Екатерина Ильинишна дѣлала въ добровольномъ своемъ одиночномъ заключеніи, было неизвѣстно, а также мы не знали, что именно побудило ее избрать такой образъ жизни. Кажется у нея въ молодости былъ романъ (она была изъ купеческаго сословія), кончившійся печально, даже трагически. Одѣта она была во все темное, и высокая негибающаяся фигура ея съ блѣднымъ лицомъ, сохранившимъ слѣды былой красоты, но безжизненнымъ, строгимъ, производила внушительное впечатлѣніе. Большіе каріе глаза ея казались намъ особенно страшными: она смотрѣла прямо, не моргая и не отводя глазъ отъ встрѣчнаго взора. Насъ прямо ужасала мысль о томъ, что Екатерина Ильинишна, какъ намъ говорили, не сумасшедшая, долгіе зимніе вечера и ночи проводила одна въ своей каморкѣ въ полной темнотѣ и въ жестокомъ холодѣ.

И вотъ что еще мы считали злодѣяніемъ и о чемъ говорили съ ужасомъ и недоумѣніемъ, говорили шепотомъ, оглядываясь и чего то боясь,—это „эзекуціи“. вѣсти о которыхъ доходили, по отрывкамъ подслушанныхъ разговоровъ старшихъ, и до насъ—дѣтей (это было не въ деревнѣ, а въ Москвѣ,) т. е. „шпицрутены“ и гоньба солдатъ сквозь строй, при чемъ подъ конецъ несчастный уже не могъ самъ идти и его привязывали къ несомому поперекъ двумя солдатами ружью и въ такомъ видѣ волокли, между двухъ рядовъ солдатъ, вооруженныхъ прутьями, продолжая колотить, а иногда такимъ способомъ тащили и били уже мертваго, не выдержавшаго истязанія. Этого факта мы совсѣмъ не могли

понять; онъ не уживался съ нашимъ представленіемъ о томъ, что люди вообще добры; это было что-то чудовищное, кошмарное, нѣчто столь же невѣроятное и страшное, какъ гроза и молнія зимой въ 20 градусовъ мороза. Замѣчая, что старшіе говорятъ о шпицрутенахъ тайственно—мрачно и неохотно, мы не рѣшались спросить у нихъ объясненія этого злодѣянія, а старались забыть о немъ, чего вскорѣ и достигали. Въ этихъ экзекуціяхъ насъ особенно, помимо ихъ сущности, поражало то, что онѣ производились надъ солдатами, которыхъ всѣ обычно хвалили за храбрость и молодцеватость и которые, судя по тому, какъ у нихъ пѣсенниками пѣлись пѣсни, что мы уже сами слышали, и какъ они плясали съ „ложками“, были люди замѣчательно веселые и хорошіе. У насъ „людей“ не пороли, а разговоры о томъ, что такой то дворовый или крестьянинъ наказанъ, насъ не смущали; существованіе „наказанія“ вообще намъ казалось неизбѣжнымъ и естественнымъ; мы и сами подвергались различнымъ наказаніямъ, огорчаясь, конечно, но не возмущаясь и даже не протестуя, но гоньба сквозь строй, на нашъ взглядъ, была не наказаніе, а нѣчто именно злодѣйское, страшное и непонятное.

Вотъ тѣ темныя пятна на общемъ сіяніи жизни, которыя были доступны дѣтямъ въ помѣщичьей болѣе культурной средѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Набрасывая теперь, по памяти, черты и событія давно прошедшей поры дѣтства и юности, я совсѣмъ не задаюсь біографическими цѣлями; мнѣ хочется передать общую картину того времени, возстановить бытъ и оживить категорію людей дореформенной эпохи, совершенно исчезнувшихъ теперь съ жизненной сцены. Но не анализируя, а только описывая, мнѣ для правдивости картины приходится очерчивать событія и лицъ, съ которыми я встрѣчался, въ моемъ тогдашнемъ пониманіи и оцѣнкѣ ихъ.

Проводя каждое лѣто, а позднѣе и зиму, въ деревнѣ, я конечно всего больше встрѣчался съ нашими

Бывшій дворовый, портной Яковъ Спиридоновичъ.

дворовыми, сперва настоящими, а потомъ бывшими, и потому хорошо помню весь личный составъ нашей

очень многолюдной дворни и взаимныя отношенія господъ и ихъ непосредственныхъ слугъ. Въ этихъ отношеніяхъ господствовала на первый взглядъ какъ бы непримиримая двойственность. Съ одной стороны, господа относились почти съ презрѣніемъ къ своимъ людямъ и не признавали за ними человѣческихъ правъ, а съ другой стороны, сближались со многими изъ дворовыхъ, не брезговали ими, привязывались къ нимъ, а иныхъ уважали и любили. Рядомъ съ „Васькой, Мишкой и Машкой“ были люди, которыхъ и старшіе никогда не звали иначе какъ Яковъ Спиридонычъ, Леонтій Ивановичъ, Мавра Андреевна. „Ты“ конечно говорилось всѣмъ, но уменьшительныя прозвища давались (у насъ по крайней мѣрѣ) лишь несовершеннолѣтнимъ, пьяницамъ и вообще пустымъ людямъ. Совершенно естественнымъ казалось взять, напримѣръ, на зиму въ Москву Филиппа—ламповщика, оставивъ, не спрашивая на то его согласія, его жену и дѣтей въ деревнѣ, поручать уже почтеннымъ слугамъ лѣтомъ, при обиліи мухъ, стоять во время обѣда за господскимъ столомъ съ большими вѣтками сирени или другихъ древесныхъ породъ и отгонять мухъ, или посылать уже стараго слугу сбѣгать на конюшню, чтобы велѣть запрячь лошадей. Но въ то же время существовала несомнѣнная забота о дѣйствительныхъ (главнымъ образомъ матерьяльныхъ) нуждахъ прислуги и вообще дворовыхъ; ихъ жизнью господа интересовались и знали основательно положеніе каждой семьи. Тутъ, надо думать, кромѣ побужденій гуманнаго характера, имѣло значеніе чувство собственника по отношенію къ своимъ вещамъ, къ „своимъ людямъ“; ихъ берегли, ими хвастались и ихъ, если они не были люди протеста, „грубіяны“, любили.

Не всѣ дворовые относились отрицательно къ факту принадлежности ихъ господамъ; многимъ изъ нихъ казалось, что крѣпостное право—явленіе естественное, міровое, освященное небомъ, что люди не могутъ быть равны,

что какъ все человѣчество принадлежитъ Богу, какъ солдаты принадлежатъ Царю, такъ мужики и дворовые принадлежатъ своимъ прирожденнымъ господамъ и повинны имъ покорностью, а тѣ заботою о своихъ людяхъ. Вотъ къ факту продажи крѣпостныхъ помѣщиками на сторону всѣ они относились очень отрицательно, но такіе случаи въ пятидесятихъ годахъ встрѣчались рѣдко, а къ шестидесятымъ годамъ и совсѣмъ прекратились. Однако далеко не всѣ крѣпостные мыслили столь покорно и благодушно; чувство несправедливости положенія крѣпостныхъ было присуще вѣроятно большинству, но въ форму протеста при сносномъ обращеніи господъ съ ихъ вассалами не переходило. Почва для такихъ протестовъ находилась, впрочемъ, и въ помѣстьяхъ, мягко управлявшихся, а именно,—когда у кого либо изъ господъ завязывались любовныя отношенія съ представительницами женскаго пола данной дворни или села. Такіе случаи, когда въ семьѣ помѣщика бывало много холостой молодежи, встрѣчались очень часто, любовныя связи, иныя весьма краткосрочныя, а другія напротивъ длительныя, считались явленіями нормальными и, разъ какъ при этомъ не было допущено какихъ либо злоупотребленій или обмана, и объектомъ расположенія барчука, или самого барина, была вдова или дѣвушка,—то эти случаи проходили почти незамѣтно, а иногда бывали даже и очень по сердцу семьѣ излюбленной бариномъ дѣвушки, т. е. сопровождались обычно разными милостями и дарами родственникамъ дѣвицы. Протесты и, иной разъ, достаточно бурные, происходили когда у мужа „отбивалась“ жена, или у жениха невеста. О такихъ случаяхъ протеста, переходившихъ даже въ уголовную сферу, я слыхалъ не разъ рассказы, относившіеся, впрочемъ, къ болѣе отдаленному прошлому. Кончались такія столкновенія и проще—разлукой, фактическимъ разводомъ, примиреніемъ на денежной подкладкѣ.

Но и помимо какого-либо, хотя бы внутреннего, ни въ чемъ явно не проявляющагося протеста, дворовые, испытывая тоже двойное чувство по отношенію къ господамъ, относились къ нимъ если не враждебно, то тоже съ презрѣніемъ и насмѣшкой, и считали совершенно для себя дозволеннымъ пользованіе,—запретно и тайно,—барскимъ добромъ. Тутъ разумѣется была извѣстная градація: взять изъ лежащаго въ столѣ или сундукѣ бумажника барина деньги было бы постыдной кражей, но пользованіе естественными продуктами, извлеченіе не совсѣмъ законныхъ выгодъ изъ даваемыхъ порученій въ ущербъ экономіи, пользованіе вещами господъ,—все это широко допускалось и не считалось преступнымъ: брали вѣдь не у чужихъ, а у своихъ. Обманывать господъ было вполне естественно и просто, такъ же какъ заочно бранить и злословить во всю. Но при томъ и у дворовыхъ была своего рода привязанность и даже любовь къ господамъ; они въ иныхъ случаяхъ готовы были многимъ пожертвовать для блага господъ, дѣлили печали и горести ихъ, помогали и тоже, если господа чѣмъ либо славились, были извѣстны, гордились и хвалились ими.

Всего чаще привязанность къ господамъ встрѣчалась у дворовыхъ, проводившихъ всю жизнь въ барскомъ домѣ, въ семьѣ „господъ“, втягиваясь понемногу въ жизнь и интересы ихъ, особенно если они были люди не семейные. Прототипомъ такихъ дѣйствительно и безкорыстно преданныхъ „господамъ“ лицъ бывали няни, дѣвушки въ молодыхъ еще годахъ приставленныя къ „дѣтской“, воспитавшія иной разъ не одно поколѣніе барчатъ и привязавшіяся къ нимъ чувствомъ, не уступавшимъ родительскому. Нерѣдко такія няни, пока имъ шли еще молодые годы, удерживались отъ брака, къ которому ихъ влекло естественное чувство, господами, и не прямо насильно, а уговорами, посулами. Случалось, что такъ замирало романическое чув-

ство, вызывая крушеніемъ своимъ безсонныя ночи и слезы, послушавшейся господъ и оставшейся при дѣтской дѣвухи. Но со временемъ острота огорченія притуплялась, зарождалось чувство любви къ порученнымъ нянѣ чужимъ дѣтямъ; привычка къ нѣкоторой холѣ, къ обычно окружавшему умѣлую няню почету и заботѣ о ея удобствахъ, брали верхъ надъ мечтами о личной семейной жизни и няня становилась почти членомъ барской семьи, пользовавшимся большимъ авторитетомъ. Не всегда, однако, питомцы няни платили ей такую же любовью, и случалось, о ней забывали, и бѣдная старушка, вспоминая прошлое, одиноко, иной разъ и на чужой сторонѣ, грустно коротала свой, отданный господамъ, вѣкъ вдали отъ нихъ. Этотъ типъ няни, не совсѣмъ исчезнувшій и послѣ крѣпостного права, хорошо извѣстенъ и не только отмѣченъ, но и воспѣтъ нашей литературой.

Отчетливо помню я свою няню Прасковью Лазаревну, помню еще не старой женщиной и потомъ ужъ старушкой, оставшейся въ нашей семьѣ до конца жизни, которая въ главномъ была посвящена намъ. Она была, конечно, изъ нашихъ же дворовыхъ; кажется, въ ранней молодости у нея былъ тайный романъ и связь, порвавшаяся потомъ; но объ этомъ я, конечно узналъ, когда уже былъ взрослымъ. Любилъ я свою Парашу безгранично и не признавалъ за ней никакихъ недостатковъ; она была некрасивой, значительно косила глазами, но я не только не замѣчалъ этого недостатка, но горячо спорилъ со старшими, доказывая, что это неправда, и что Параша (я ее не звалъ няней почему-то) красавица и въ концѣ концовъ отчаянно плакалъ отъ обиды. Любовь къ Парашѣ,—конечно уже не въ той степени и горячности,—я сохранилъ до ея смерти, ежегодно видаясь съ ней, когда я вступилъ въ университетъ и позже, а она изъ нашего большого дома перешла на жительство къ моей сестрѣ, занявъ у нея (въ

деревнѣ) должность экономки. Я имѣлъ полное основаніе любить Парашу, ибо она платила мнѣ тѣмъ же и заботамъ ея обо мнѣ въ дѣтствѣ, ласкамъ и баловству не было предѣловъ. Съ поразительнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ переносила она всѣ мои дѣтскіе капризы и требованія; она никогда не ворчала на меня, хотя въ инныя ночи я раза по два будилъ ее и звалъ къ своей кровати, чтобы покрыть меня сбившимся, будто, одѣяломъ, которое я нарочно скидывалъ съ себя, желая осязательно убѣдиться, что я не одинъ въ комнатѣ и что Параша дѣйствительно тутъ со мной; помню, что когда она, уставъ, ложилась днемъ отдохнуть, я пользовался этимъ и, признавъ ее больной, начиналъ лечить, безжалостно прикладывая къ ея головѣ компрессы, сооружаемые мною изъ сложенной въ нѣсколько разъ бумаги или тряпочекъ, намоченныхъ въ водѣ, чѣмъ, конечно, мѣшалъ ей заснуть. Сколько разъ она укрывала меня отъ гнѣва или даже наказанія предъ родителями, а позднѣе учителемъ, заступаясь за меня и не выдавая моего проступка. Помню, когда я уже сталъ ученымъ мужемъ и могъ связно читать, какой удивительно воспріимчивой и пріятной слушательницей она бывала. Я обычно читалъ Парашѣ вслухъ очень мною цѣнившуюся тогда книгу „Новый Робинзонъ, или Швейцарское семейство“, и она съ неподражаемой искренностью удивлялась давно и подробно ей извѣстнымъ геройскимъ дѣяніямъ „Фрица“ и „Якова“, добротѣ „Луизы“ и разумности „отца“. Одной функціи няни Прасковья Лазаревна не выполняла, она не рассказывала мнѣ сказокъ и даже не знала наизусть ни одной. Какъ сейчасъ вижу Парашу, сидящую въ дѣтской за большимъ круглымъ столомъ и шьющую что-то бѣлое, приколотое къ подушкѣ, въ серединѣ которой имѣлось что-то очень тяжелое, не дававшее ей сдвинуться съ мѣста (швейка), при чемъ обычно у нея на спинѣ подъ черной пелеринкой пребывала одна изъ

моихъ двухъ бѣлокъ, очень ручная,—Гансъ. Параша нюхала табакъ, но дѣлала это украдкой. Помню уже гораздо позднѣе, когда мы жили въ деревнѣ, и я состоялъ не при Парашѣ, а при гувернерѣ Herr Streng, но она, разумѣется, оставалась у насъ въ домѣ на почетномъ положеніи, какъ она важно и серьезно, стоя у конца большого стола, гдѣ сосредоточивались на громадномъ подносѣ самоваръ, чайникъ и другія принадлежности чаепитія, чашки и стаканы, распорядилась всѣмъ этимъ два раза въ день,—утромъ и вечеромъ, слушая болтовню многочисленныхъ участниковъ носившаго тогда нѣсколько торжественный характеръ семейнаго чайнаго собранія, но не участвуя въ общемъ разговорѣ съ момента прихода старшей хозяйки, а до этого любезно разговаривая съ подходившими къ столу. Теперь, кажется, такихъ, имѣвшихъ въ себѣ нѣчто церемоніальное, ежедневныхъ чайныхъ собраній съ непременнымъ участіемъ классическаго формою самовара, не бываетъ больше; да и самоваръ уже не столь обязателенъ и легко замѣняется спиртовой бульоткой и иными модными суррогатами, продолжая впрочемъ служить человечеству, но не явно, а пребывая въ сѣняхъ, или буфетной комнатѣ.

Параша не знала сказокъ, но дѣтство мое не обошлось все-таки безъ нихъ; обязанность сказочницы брала на себя старшая горничная матушки Авдотья Ивановна. Разсказчица Дуняша, какъ мы ее звали, была превосходная; она не рѣдко импровизировала и, передавая какую-либо общеизвѣстную сказку, вплетала въ нее новыя, придуманныя ею самой, подробности и оживляла разсказъ присущимъ ей юморомъ. Она не только смѣшила, она умѣла въ страшныхъ мѣстахъ сказки такъ передать ихъ, мѣняя голосъ и интонацію, а иногда и пародируя описываемыхъ лицъ или звѣрей, что мы, дѣти, испытывали страхъ. Особенно страшно выходилъ у нея разсказъ о медвѣдѣ на липовой ножкѣ, гдѣ

между прочимъ речитативомъ говорится, почти поется, что-то въ этомъ родѣ:.. „скрипу, скрипу, скрипу на липовой ножкѣ... Вся деревня спитъ, одна баба не спитъ, на моей шкуркѣ сидитъ, мою шерстку прядетъ“...

Авдотья Ивановна была не нашей крѣпостной, она происходила изъ дворовыхъ села Троицкаго, Князя Андрея Петровича Оболенскаго, и къ намъ въ домъ вошла вмѣстѣ съ матушкой, горничной которой она состояла еще до ея замужества, въ числѣ прочаго приданаго, при выходѣ матушки замужъ за отца. Наша степная дворня, какъ мнѣ рассказывали, вначалѣ очень косилась на подмосковную бѣлоручку, выросшую въ княжескомъ домѣ, не пожелавшую ктому же якшаться съ представителями нашей коренной дворни. Но во внѣ враждебность эта, въ виду расположенія матушки къ Дуняшѣ, ничѣмъ не выразилась, а со временемъ и совсѣмъ прошла, тѣмъ болѣе что Авдотья Ивановна сторонилась отъ остальной прислуги не изъ гордости, а изъ присущаго ей чувства дѣвственной стыдливости и нерасположенія къ лицамъ мужского пола. Она не только сама была дѣвственницей, но зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы подчиненныя ей дѣвицы не увлекались кѣмъ-либо законно или незаконно и въ случаѣ провинности въ этомъ любовномъ, а то просто легкомысленномъ, направленіи кого-либо изъ нихъ, прямо свирѣпствовала, хотя въ остальномъ была очень добра, и настаивала на удаленіи изъ дома такой пошалившей дѣвицы. Казалось, что главная ея обязанность заключается вовсе не въ уходѣ за матушкой, а именно въ охраненіи во что бы то ни стало невинности состоявшихъ въ ея подчиненіи молодыхъ дѣвицъ, что иногда ей и удавалось.

Но одна изъ нашихъ прирожденныхъ Спасскихъ дворовыхъ дѣвицъ—Лиза, а подѣ старость Лизавета Артемьевна, долго питала недружелюбное чувство къ Авдотьѣ Ивановнѣ и не могла помириться съ проникновеніемъ въ родную крѣпостную обстановку чужезем-

ки. Для этого была впрочемъ особая причина: Елизавета Артемьевна, кажется, питала въ тайникѣ души своей романическую любовь къ отцу моему, о чемъ онъ и не догадывался, такъ какъ Елизавета была особа скромная, а кромѣ того наружностью своей совершенно не подходила къ роли влюбленной. Она сложеніемъ своимъ скорѣе напоминала мужчину и была при громадномъ ростѣ замѣчательно костлява, но съ выдающимся валикомъ животомъ, а лицомъ была неказиста, при чемъ бросались въ глаза громадныхъ размѣровъ мясистый носъ, который она (на моей уже памяти) усердно набивала табакомъ, и росшіе на подбородкѣ рѣдкіе волосы. Въ ранней молодости Лиза состояла горничной при моей бабушкѣ Софьѣ Фоминишнѣ,—матери отца, персонѣ, судя по отзывамъ о ней ея современниковъ и по сохранившимся у меня ея письмамъ, обладавшей довольно тяжелымъ и строптивымъ, а притомъ очень расположеннымъ къ властвованію характеромъ. Судя по письмамъ Софьи Фоминишны, бракъ отца на моей матери, рожденной княжнѣ Оболенской, состоявшійся безъ какого-либо ея участія (дѣдъ умеръ когда отцу было не болѣе 5 лѣтъ) небылъ ей симпатиченъ и едва ли она питала особенно благожелательныя чувства къ своей невѣсткѣ, въ виду чего, какъ надо думать, и переселилась изъ Спасскаго, когда мои родители переѣхали изъ Москвы на житье въ деревню, на другую, на много менѣе благоустроенную, усадьбу. И вотъ Лиза, преданная во всемъ какъ нельзя болѣе своей непосредственной госпожѣ, несмотря на ея строгій нравъ, почувствовала нѣчто вродѣ нерасположенія къ матушкѣ, поддержаннаго своего рода ревностью; но т. к. проявлять такое чувство къ „барынѣ“ было неудобно, то она перенесла его полностью на ея наперсницу—Дуняшу. Впрочемъ въ то строго дисциплинированное время враждебныя чувства Лизы къ какимъ-либо эксцессамъ не приводили. Комично выходило то, что Лиза была и лично, и въ отно-

шеніи надзора надъ домашними юными дѣвицами столь же строгой весталкой, сколько и ея врагъ, и тоже считала тягчайшимъ грѣхомъ малѣйшую близость къ мужчинамъ. Матушку, будучи уже старухой, Лизавета Артемьевна таки простила и признала, наконецъ, своей, Спасской. Къ этому времени Лиза,—а было оно уже много лѣтъ спустя послѣ смерти Софьи Фоминишны,—жила въ большомъ Спасскомъ домѣ, состоя въ званіи „кофишенки“, т. е. завѣдуя спеціально кофейнымъ и чайнымъ хозяйствомъ; въ послѣдствіи, послѣ смерти коренной нашей экономки Мавры Андреевны, она заняла ея мѣсто. Елизавета Артемьевна хорошо помнила время, до женитьбы и вступленія въ управленіе имѣніями моего отца, когда еще былъ живъ и велъ все большее хозяйство мой прадѣдъ Федоръ Андреевичъ,—человѣкъ совсѣмъ другого склада и характера,—крайне строгій и не всегда справедливый со своими людьми, въ которыхъ, кромѣ любимчиковъ, видѣлъ только холоповъ. По ея словамъ, жизнь дворни при Федорѣ Андреевичѣ была тяжелая, и его боялись, какъ огня; тѣлесныя наказанія при немъ примѣнялись легко, но зато хозяинъ онъ былъ образцовый и крестьянамъ при немъ жить было въ матеріальномъ отношеніи хорошо,—они ни въ чемъ не нуждались. Переданное мнѣ Лизой нашло себѣ подтвержденія въ сохранившейся перепискѣ прадѣда и дневникѣ дѣда (умершаго молодымъ въ 1812 году). Изъ документовъ этихъ видно что Федоръ Андреевичъ любилъ веселое житіе и въ Спасское зимой и лѣтомъ постоянно наѣзжали гости, и господа весело проводили время за картами (выигрывались и проигрывались не только деньги, но и вещи, на примѣръ, коляска, тарантасъ, лошади) и выпивкой. Ежедневными гостями были сосѣдніе помѣщики и всевозможныхъ ранговъ губернскіе и уѣздные чиновники, непремѣнно заѣзжавшіе въ Спасское при поѣздкахъ изъ Тамбова въ Моршанскъ и обратно,

благо Спасское лежало на самой большой дорогѣ, соединяющей эти города.

Упомянувъ о томъ, что Елизавета Артемьевна простила вмѣстѣ съ Дуняшей матушку, я долженъ добавить, что иначе оно и не могло быть, ибо матушка была воплощеніемъ доброты и привѣтливости. Какъ примѣръ, характерный для той эпохи, приведу такую черту: комната Дуняши, въ которой она спала за перегородкой, находилась рядомъ со спальней матушки; утромъ, когда матушка просыпалась, она звала Дуняшу, чтобы помочь ей встать, но, если той не хотѣлось еще покидать ночного ложа, она и не думала подниматься и кричала матушкѣ изъ своего апартамента строгимъ голосомъ: „рано еще вставать! Спите, а то такъ полежите!“ И матушка безропотно покорялась и оставалась безъ сна въ постели, или приступала къ своему утреннему туалету одна, безъ помощи Дуняши. Вообще мнѣ не привелось быть свидѣтелемъ мрачныхъ картинъ изъ эпохи крѣпостного права, отчасти оттого, что ко времени когда я могъ сознательно относиться къ совершавшемуся вокругъ меня, это право было уже на исходѣ и смягчилось, отчасти же потому что при отцѣ, а въ особенности при матери, обращеніе съ крѣпостными было у насъ гуманное и, на примѣръ, наивысшимъ наказаніемъ для дворовыхъ считалось изверженіе изъ дворни; провинившемуся выдавалась со всѣмъ его семействомъ „вольная“ и онъ изгонялся съ усадьбы. Такъ, уже на моей памяти, получилъ отпускную буфетчикъ Ананій въ видѣ наказанія за такое преступленіе: зиму въ томъ году вся наша семья проводила въ Москвѣ, но Ананій былъ оставленъ въ Спасскомъ, гдѣ пустой домъ все-таки слегка отапливался; у Ананія находились, какъ у буфетчика, ключи отъ погреба, въ которомъ былъ достаточный запасъ винъ. Лѣтомъ, по нашемъ пріѣздѣ въ Спасское, при первой же поданной бутылкѣ вина, выяснилось что-то неладное; вкусъ и букетъ вина ис-

чезли, и въ бутылкѣ имѣлся какой-то жидкій, кислый и мутный напитокъ; вторая поданная бутылка оказалась въ такомъ же неестественномъ состояніи, а по произведенному тщательному осмотру выяснилось, что почти всѣ бутылки были откупорены, вино изъ нихъ почти полностью вылито, а онѣ дополнены водой и вновь закупорены. Ананій тотчасъ повинился, сознавшись въ томъ, что онъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ выпилъ все бывшее въ погребѣ вино, разбавляя остатки его въ каждой бутылкѣ водой. Попуталъ его „нечистый“ на такое скверное дѣло: съ перепоя, когда ему опохмѣлиться было нечѣмъ и не на что, а душа горѣла и его безудержно тянуло „поправиться“. Сначала онъ робѣлъ, пилъ понемногу, а тамъ махнулъ на все рукой и пропьянствовалъ всю зиму. Въ отуманенномъ мозгу Ананія держалась мысль, что господа быть можетъ не замѣтятъ его продѣлку и будутъ пить оставленную имъ въ бутылкахъ бурду, принимая ее за хорошее вино. За такое дѣяніе Ананій, сколь ни просилъ, не былъ прощенъ и, получивъ „вольную“, покинулъ съ семьей Спасское, а управляющій имѣніемъ, тоже изъ своихъ, Егоръ Фроловичъ, хотя и возмущался поступкомъ Ананія и каялся въ недосмотрѣ, въ разговорѣ со старшими служащими высказывалъ даже удовольствіе, что наконецъ-то понялъ почему Ананій всю зиму казался ему словно выпившимъ, а между тѣмъ онъ зналъ достовѣрно, что ему не на что, да и негдѣ пить.

Въ средѣ нашей дворни было много людей не только способныхъ, а прямо талантливыхъ, но эта талантливость не спасала ихъ отъ бывшаго всѣмъ имъ присущимъ недостатка—склонности къ пьянству. Даже наиболѣе способные люди тѣмъ сильнѣе поддавались власти вина. У всѣхъ у нихъ эта слабость проявлялась обычно въ формѣ классическаго запоя, длившагося иногда недѣлями. И тутъ ужъ ничего не помогало: такого запившаго человѣка даже запирали гдѣ-либо до

вытрезвленія, но онъ все-таки какимъ-то способомъ добывалъ себѣ водки и продолжалъ пить. Старшій садовникъ, бывшій въ ученіи въ Москвѣ, человѣкъ сравнительно развитой, настоящій любитель и знатокъ своего дѣла, заведшій у насъ померанцевыя и лимонныя деревья, дававшія ежегодно плоды, поставившій Спасское садоводство на поразительную высоту, впадалъ на цѣлыя недѣли въ запой; художникъ токарь Ивлій Тимофеевичъ пилъ непробудно какъ только у него заводились какія-нибудь денжонки; лучшій нашъ наѣздникъ Никита пилъ временами безъ просыпа; самоучка-механикъ мельникъ Афанасій страдалъ тѣмъ же; великолѣпно готовившій поваръ Федотъ, учившійся въ Москвѣ на кухнѣ Англійскаго клуба, тоже; словомъ всѣ, за самыми рѣдкими исключеніями, дворовые были пьяницы.

Припоминаю одного двороваго не изъ нашихъ крѣпостныхъ, но очень интереснаго человѣка—Ивана Осипова; онъ обладалъ двумя способностями: хорошо стригъ волосы и состоялъ прежде поэтомъ у своихъ господъ мужскимъ куаферомъ и, обладая поэтическимъ даромъ, былъ придворнымъ поэтомъ,—сочинялъ и подносилъ господамъ по всевозможнымъ случаямъ стихи, большею частью въ формѣ именинныхъ дифирамбъ. Писалъ онъ и оды, длинныя и мало вразумительныя. У меня сохранился случайно отрывокъ одного изъ его стихотвореній, свидѣтельствующій о томъ, что Осипъ обладалъ дѣйствительно даромъ рифмоплетства и склонною къ поэзіи и возвышенному душою. Вотъ этотъ отрывокъ:

Рѣчь въ стихахъ.

Кипитъ мой духъ живымъ восторгомъ,
 Когда на небо я гляжу. . .
 Стою какъ будто передъ Богомъ
 И весь восторгомъ трепещу!
 Вотъ солнце дивною красою

По небу синему плыветъ,
 Дождь сыплеть свѣжій надъ землею
 И жизнь природѣ всей даетъ,
 Вотъ точно яркая лампада
 Горитъ тамъ мѣсяцъ золотой
 И служить сладкою отрадой
 Во время темноты ночной.
 Вотъ точно праведниковъ очи
 Созвѣздья свѣтлыя блещутъ
 И въ тишинѣ спокойной ночи
 На насъ какъ будто бы, глядятъ.
 Какъ будто огоньки какіе
 Зажглись невидимой рукой,
 Какъ будто къ Вышнему Святые,
 На праздникъ собрались какой!

.

Но нѣтъ, безплодною мечтою,
 Зачѣмъ по облакамъ летать.
 Мы можемъ Бога предъ собою
 И на землѣ здѣсь созерцать.

И несмотря на возвышенную душу и хорошую сравнительно грамотность, Осипу невозможно было поручить никакого самостоятельнаго дѣла,—онъ какъ только оставался на свободѣ и добывалъ гдѣ-либо деньжонокъ, напивался до безчувствія, а затѣмъ долго опохмѣлялся, вымаливая буквально на колѣняхъ у господъ (кто подобродушнѣе) и у своихъ же коллегъ хоть самую малость на пріобрѣтеніе спасительнаго лѣкарства, т. е. водки.

Въ видѣ иллюстраціи того какъ пили дворовые приведу отрывокъ изъ письма моего отца къ матери въ сороковыхъ годахъ, изъ Тамбова въ Спасское, отстоящее отъ него въ 50 верстахъ...

... „Отправившійся по утру транспортъ не всѣмъ благополучно достигъ своего назначенія. Если бы не кривая Матрена, то я и не знаю чѣмъ бы это дѣло кончилось. Посланные, помня Николу *), котораго празднуютъ три дня, напились и продолжали подливать по дорогѣ отъ Горѣлова. Подливанье это дошло наконецъ до того, что Семень лежалъ на возу безъ всякихъ чувствъ и правилъ до Тамбова пьяный Андрей.—Наконецъ въ Тамбовѣ лошади шарахнулись и на первомъ ухабѣ онъ свалился. Лошади понесли кривую. Какой то проходившій солдатъ остановилъ ихъ и связалъ порванные постромки. Между тѣмъ сзади привязанный Артюръ **), испугавшись, началъ бить, а солдатъ отказался проводить Матрену до двора, ибо ему слѣдовало куда то идти на дежурство. Матрена, не зная Тамбова, одна на возу съ совершенно безчувственнымъ Семеномъ, одною рукою держать возжи, а другою поводъ Артюра, и изволить двигаться. Наконецъ какой то прохожій, по врожденному человѣку чувству состраданія къ ближнему, сѣлъ на сани и за гривенникъ взялся доставить ее до дому, что и совершилъ добросовѣстно. Семена не могли даже разстрясти. Въ это время я пріѣхалъ и встрѣтилъ у нашей церкви Филиппа и Якова, отправившихся за поисками Андрея. Матрена, не зная города и кружившись по разнымъ направленіямъ его, сначала безъ проводника, никакъ не могла сказать гдѣ свалился Андрей. Яковъ пошелъ на поиски. Между тѣмъ „времени прошло часа полтора и я, опасаясь чтобы Андрея не зашибли или не ограбили, послалъ Филиппа справиться въ обѣихъ полицейскихъ частяхъ и заявить на всякій случай, о происшествіи. Между тѣмъ Семень ознобилъ себѣ руки и ноги, которыя ему оттираютъ холодною гущею и кажется успѣшно“ . . .

*) Письмо датировано 8 декабря.

**) Лошадь.

Въ концѣ длиннаго письма,—на третій день по прїѣздѣ отца въ Тамбовъ, значилось: „Семень, вѣроятно, потеряетъ руку, во всякомъ случаѣ долго проболѣетъ. Я намѣренъ помѣстить его въ больницу“.—Предположеніе отца, однако, не осуществилось: Семень, руки не потерялъ. Я и его и упоминавшихся въ письмѣ Андрея, Филиппа, Якова и даже кривую Матрену хорошо зналъ. Семень состоялъ въ мое время кучеромъ и расположенія къ вину не потерялъ. Въ приведенномъ отрывкѣ письма характернымъ является тоже количество прислуги, окружавшей господъ. Прїѣзда отца въ Тамбовъ (у насъ тамъ былъ обычно пустовавшій небольшой флигель—комнаты въ три) уже ждали Филиппъ и Яковъ, съ подводой ѣхали туда же трое, да еще отецъ въ письмѣ къ матери пишетъ: „Пришли ко мнѣ вмѣстѣ съ почтовымъ посломъ Ивана Ивкина.“ А прїѣзжалъ отецъ въ Тамбовъ только на время дворянскихъ выборовъ.

Тѣ, кто не принадлежалъ къ категоріи пьяницъ (даже глухо-нѣмой сапожникъ и тотъ напивался каждый праздникъ) тѣ ужъ за то совсѣмъ не пили; умереннаго употребленія вина не существовало. На селѣ, въ крестьянствѣ, такого расположенія къ пьянству не замѣчалось; пьяницъ было очень немного и злоупотребленіе спиртными напитками было лишь въ большіе, особенно же въ храмовые, праздники.

Пили на дворнѣ люди уже зрѣлые, за молодежью этой слабости не водилось, а потому праздниками у насъ на усадьбѣ бывало очень оживленно и весело зимой, а въ особенности, конечно, лѣтомъ. Зимой, по праздникамъ, дворовая молодежь обоего пола собиралась въ саду у ледяной горы, устраивавшейся у насъ на высокомъ берегу съ крутымъ спускомъ на рѣку, разливавшуюся въ этомъ мѣстѣ, у мельницы, въ широкій, тянувшійся на версту въ прямомъ направленіи прудъ, по льду котораго и катились, слетѣвъ съ горы, салазки. Сюда же на гору приходили господская молодежь

и старшія дѣти, и всѣ принимали участіе въ катаньѣ наравнѣ съ дворовыми. Я въ дѣтствѣ и юшошей тоже катался со всѣми съ горы и помню, что веселились мы тамъ часами, несмотря на порядочный, иной разъ, морозъ. Садилась въ длинныя салазки съ подрѣзами (конечно доводѣльные) по пяти человѣкъ, неслись внизъ и по расчищенному льду со страшной быстротой и подъ отчаянный визгъ сидѣвшихъ въ санкахъ дѣвицъ, опрокидывались, падали, заѣзжали въ сугробы сѣга и домой шли усталые, даже измученные, но навесели-

Улица въ Спасскомъ.

вшись въ сласть. На рѣкѣ же, на льду, устраивалась кромѣ того карусель, что тоже забавляло въ одинаковой степени и барчатъ и слугъ. Крестьянскіе парни и дѣвицы на гору не являлись и вообще не принимали участія въ увеселеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто на усадьбѣ; они держались отдѣльно отъ двора и относились къ ней скорѣе недружелюбно, что объяснялось и тѣмъ, что изъ дворовыхъ обычно набирались начальствовавшія надъ крестьянами лица,—приказчики, объѣзчики, караульные и тому подобные агенты помѣщичьей власти, никогда не пользовавшіеся симпатіей крестьянства.

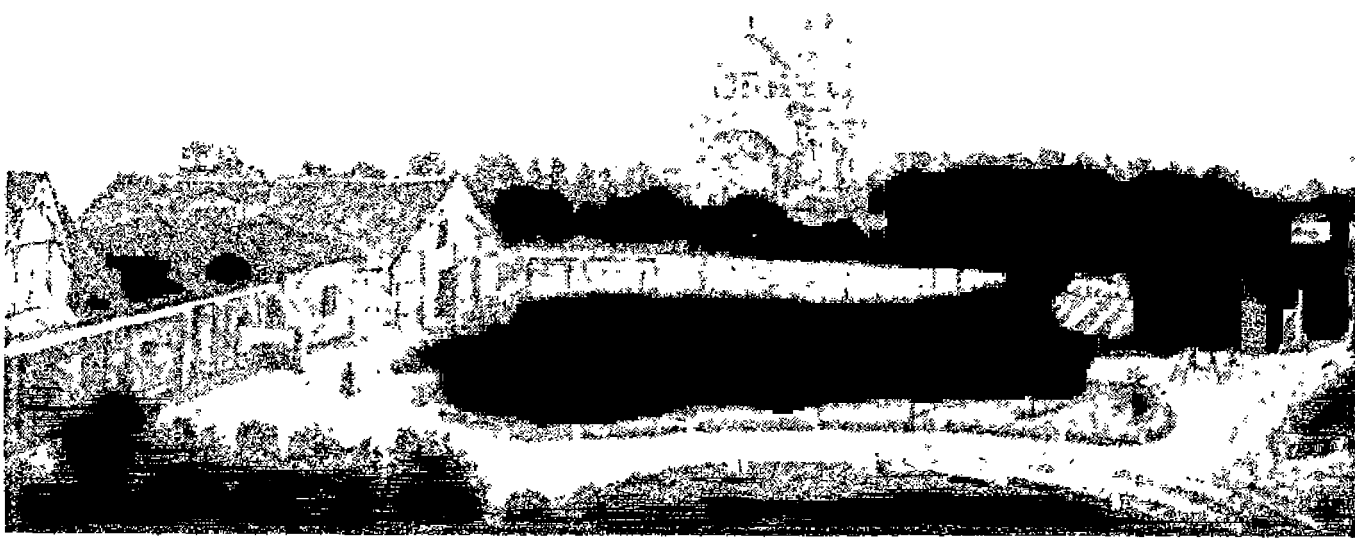
Спасскіе крестьяне приходили на усадьбу всѣмъ селомъ—мужики, бабы и дѣти—два раза въ году: на Святой, при чемъ господа христосовались со всѣми явившимися, а затѣмъ они получали незатѣйливое угощеніе, и лѣтомъ послѣ уборки сѣна въ праздничный день; тутъ крестьянамъ подносились водка съ закуской, не пьющимъ предлагался чай, а бабамъ и дѣтямъ раздавались платки, ленты и пряники. Время покоса проходило тогда вообще очень оживленно и весело, несмотря на трудную работу косцовъ. Искупало тяжесть ея то что вся работа шла на народъ, почти всегда въ хорошую, еще не удушливую, погоду, да на лугахъ около воды и лѣса, гдѣ хорошо въ перерывы отдыхалось. Къ тому же иные парни отличались лихостью въ косьбѣ и шли на перебой другъ съ другомъ. А бабамъ работа была и совсѣмъ не тяжелая, если сравнить ее хотя бы съ полкой, доводящей до изнеможенія, или жнитвомъ, которое тогда примѣнялась при уборкѣ не только пшеницы, но и ржи: косили лишь овесъ и просо. Бабы и дѣвки одѣвались на покосъ по праздничному и по лугамъ, гдѣ повсюду виднѣлись кучки и ряды движущихся бѣлыхъ и красныхъ пятенъ, неслись къ вечеру веселыя пѣсни, да не теперешнія отвратительныя „частушки“ и исковерканные романсы, а старыя, народныя, столь благозвучныя, хоровыя пѣсни.

Крестьянки въ тѣ времена если и пили водку, то потихоньку: пить женщинамъ на людяхъ считалось неприличнымъ. Въ ту пору въ крестьянствѣ было много обычаевъ, давно установившихся положеній, которыхъ всѣ крѣпко держались, считая грѣхомъ, чѣмъ то совершенно недозволеннымъ, нарушить ихъ. Твердо установившіеся взгляды и правила, словно предопредѣлявшіе теченіе жизни, къ тому же очень несложной и однообразной для большинства, облегчали эту жизнь; она не представлялась загадкой, не манила въ неизвѣстность неопредѣленными надеждами и мечтаніями,

а давала крестьянину то, что ему, какъ онъ думалъ, полагалось изъ вѣка въ вѣкъ, нѣчто хорошо извѣстное и неизбѣжное. Такой убѣжденный консерватизмъ держался у насъ въ крестьянствѣ довольно долго и послѣ отмѣны крѣпостного права; онъ сталъ исчезать подъ давленіемъ такихъ факторовъ какъ общая воинская повинность, сравнительно скоро возвращавшая въ сельскую среду солдатъ путемъ безсрочнаго или временнаго отпуска съ измѣнившимися уже, новыми взглядами на жизнь; развившіеся, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, облегчившимъ передвиженіе, такіе отхожіе промыслы, какъ напримѣръ, работы въ каменноугольныхъ копяхъ въ Донской области, куда именно потянулись наши сельчане и т. п.. Возвращавшіеся домой съ такихъ работъ крестьяне вносили совсѣмъ новую струю въ жизнь и пониманіе населенія, далеко не всегда желательныя, но радикально расходившіяся съ прежними воззрѣніями, зарождавшія требованіе личной свободы и вызывавшія протестъ противъ неравенства людей по словіямъ и вообще кастообразнаго дѣленія общества. Разбивали рутину прежней жизни и замѣнившія единственныхъ прежнихъ учителей-дьячковъ и отставныхъ унтеръ-офицеровъ земскія школы.

Но въ то время, о которомъ я пишу, ничего подобнаго еще не было и крестьяне даже внѣшне, манерой держать себя и одеждой, не походили на теперешнее сельское населеніе. Всѣ безъ исключенія ходили въ русскомъ платьѣ, очень красивомъ, теперь исчезнувшемъ къ сожалѣнію и замѣнившимся для лицъ женскаго пола отвратительными ситцевыми короткими кофтами и „вампирами“, а у мужчинъ блузами, пиджаками, картузами и даже какою-то рванью, которую въ старину крестьянинъ постыдился бы надѣть. Всѣ тогда носили русскія рубахи, солидные люди бѣлыя или темносинія, а молодежь и красныя, поддевки и кафтаны, обычно изъ домодѣльной матеріи, перетянутые тоже домашня-

го производства разноцвѣтнымъ кушакомъ, а на головахъ лѣтомъ высокія поярковыя шляпы. Замужнія женщины обязательно носили кички (съ рожками или безъ нихъ, но съ валикомъ) у молодыхъ краснаго цвѣта; платки на головѣ носили лишь дѣвицы и старухи, послѣднія обычно бѣлые; замужней женщинѣ показаться „простоволосой“ было гораздо стыднѣе, чѣмъ совсѣмъ раздѣтой. Бѣлье было у всѣхъ исключительно

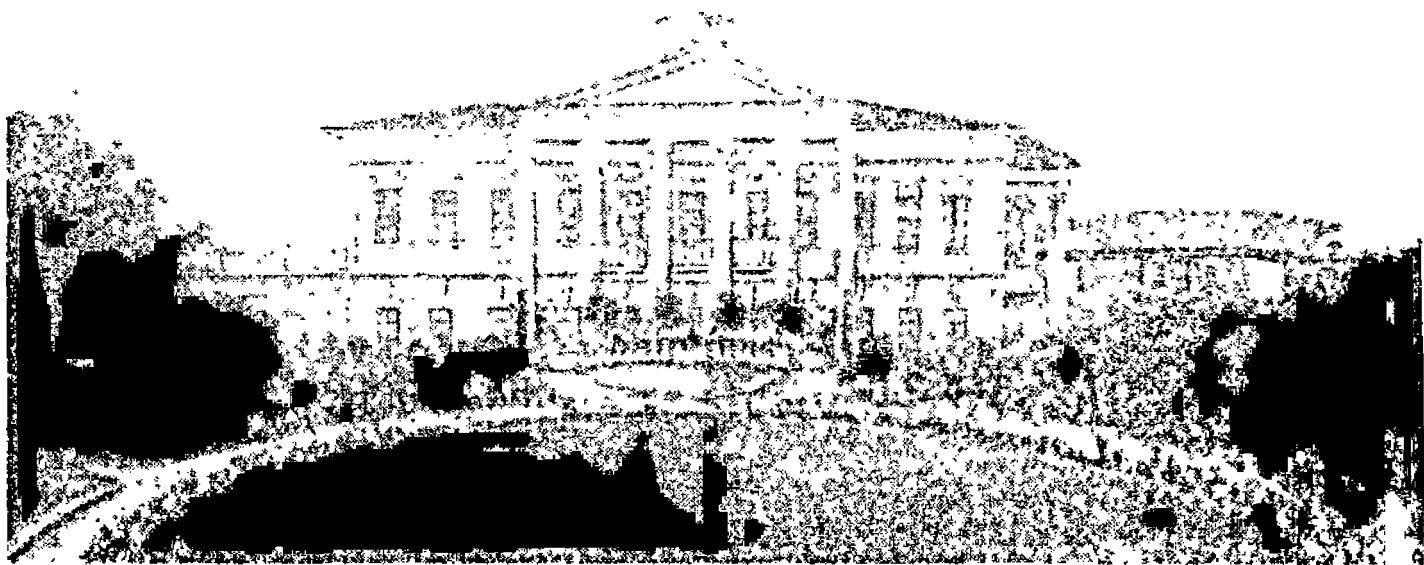

Дворъ Спасской усадьбы.

изъ домотканнаго холста и полотна, также какъ красивыя разноцвѣтныя поневы. Въ обычную пору крестьяне обоего пола обувались въ онучи и лапти, сапоги крестьянами носились, да и то болѣе молодыми, лишь по праздникамъ или при путешествіяхъ, зимой всѣ обувались въ валенки. Всѣмъ соблюдалось гораздо большая чистота и аккуратность въ одеждѣ, а въ манерахъ было больше степенности и спокойствія. Крестьянская семейная и общественная жизнь, вся строго урегулированная, подчинялась своимъ особымъ не писаннымъ, но обязатель-

нымъ, правиламъ и не имѣла ничего общаго съ жизнью и обычаями посадскихъ людей, мѣщанъ и даже дворовыхъ. Обряды свадебные, похоронные, увеселенія, игры, пѣсни,—все было свое особое и все это отличалось по сравненію съ безземельнымъ населеніемъ (горожане, мѣщане, дворовые) солидностью, степенностью и порядкомъ.

Весною и лѣтомъ на обширномъ дворѣ Спасской усадьбы, на которомъ имѣлась лужайка и были разби-

Спасская усадьба. Фасадъ дома со стороны сада.

ты клумбы сирени и группы молодыхъ деревцовъ, по праздникамъ, къ вечеру всегда собирались дворовые и служащіе и заводились такія игры какъ городки, бабки, лапта и лунки; въ этихъ играхъ участвовала только мужская молодежь, но кромѣ нихъ водились, обычно попозднѣе, хороводы съ преобладаніемъ женскаго элементы и устраивались „горѣлки и коршуны“. Коренные обитатели Спасскаго и гости изъ „барской“ молодежи постоянно присоединялись къ веселившейся дворнѣ.

Намъ, дѣтямъ и подросткамъ, жилось превосходно въ этой свободной обстановкѣ, хотя и подъ надзоромъ Herr Strende, принимавшаго тоже участіе въ общихъ играхъ, но замѣчательно неудачно. Играя, напримѣръ, въ городки, при ударѣ съ кона, онъ если поподавъ въ городокъ, то дѣлалъ обязательно „рюхъ“, т. е. разваливалъ чурки, не выбивъ ихъ изъ клѣтки. Такое неумѣніе участниками игръ объяснялось его иностраннымъ происхожденіемъ, мѣшавшимъ ему проникнуть въ суть чисто русскихъ игръ и вызывало хохотъ и смѣшки играющихъ, на которые добродушнѣйшій Эрнестъ Эрнестовичъ не обижался; состоя въ отчужденной дружбѣ со всей дворней.

Лѣто, кромѣ моего постояннаго товарища Васи Прокунина, обычно проводили въ Спасскомъ еще нѣсколько моихъ друзей-однолѣтокъ, а въ томъ числѣ очень любимый всѣми нами Саша Данзасъ, талантливый, умный мальчикъ, рано, въ совсѣмъ еще молодыхъ годахъ, покончившій съ жизнью, выстрѣломъ изъ револьвера, у насъ же въ Спасскомъ. Онъ былъ очень нервный и слишкомъ впечатлительный юноша и не сумѣлъ перенести и справиться съ разными неудачами, встрѣтившимися въ самомъ началѣ его самостоятельной жизни. Но въ годы дѣтства и ранней молодости и ему жилось хорошо въ нашемъ веселомъ обществѣ.

Какъ то разъ, я и Саша, расхваставшись передъ кѣмъ-то изъ старшихъ, объявили, что мы ничего сверхъестественнаго не боимся и вдвоемъ пойдемъ ночью, т. е. когда стемнѣетъ, къ нашей церкви; церковь отстояла очень недалеко отъ Спасскаго дома, но къ ней надо было идти или длинной липовой аллеей, или „Софьинымъ садомъ“, представлявшимъ изъ себя довольно глухой паркъ, и въ обоихъ случаяхъ обязательно пройти по запущенному кладбищу, мимо ряда могилъ и памятниковъ, окружавшихъ церковь. И дѣйствительно мы, когда совершенно стемнѣло, отправились въ эту

экспедицію. Сначала, пока мы шли дворомъ и по обсаженной каштанами аллѣе, мнѣ не было страшно и я весело болталъ съ Сашей. Но когда мы проникли въ Софьинъ садъ, гдѣ благодаря деревьямъ стало совершенно темно, я уже дрогнулъ и пожалѣлъ, что самъ назвался на такое рискованное предпріятіе. Было не только темно, но прямо таки жутко еще и оттого, что незатихшій вѣтеръ очень подозрительно шумѣлъ въ деревьяхъ и двигалъ ихъ вѣтвями и кустами, которые, шевелясь, казались живыми темными фигурами. А тутъ еще я ударился о низкую вѣтку какого то дерева и совсѣмъ оробѣлъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришла въ голову дикая мысль, что рядомъ со мною идетъ не Саша, не отвѣтившій на какой-то мой вопросъ, а совсѣмъ другой: можетъ, именно какой-нибудь злой духъ. Бѣжать однако было стыдно, да пожалуй еще страшнѣе, чѣмъ идти дальше. Наконецъ мы молча, подошли къ церкви и вступили, перейдя мостикъ черезъ канаву, отдѣлявшую садъ отъ стараго погоста, въ черту кладбища. И вдругъ я увидѣлъ, какъ около одного изъ надмогильныхъ монументовъ появилась и двинулась на насъ съ страшнымъ шумомъ громадная бѣлая фигура. . . . Тутъ я не выдержалъ и, позабывъ о стыдѣ, о стоявшемъ возлѣ меня Сашѣ, да обо всемъ на свѣтѣ, бросился опрометью назадъ черезъ мостикъ и садъ домой. Пока я бѣжалъ садомъ, я явственно слышалъ, какъ за мной бѣжали, и „ихъ“ было много, и „они“ почти настигали меня. Но я, конечно, не оборачивался и остановился лишь въ каштановой аллеѣ, уже около двора, да и то только потому, что, задѣвъ за корень дерева, упалъ. Вскочивъ на ноги, я убѣдился, что за мною никто не гонится и что уже бояться нечего, потому что до двора совсѣмъ близко и виденъ уже домъ. Я на дворѣ дождался Саши и мы вмѣстѣ вернулись, причемъ Саша, тоже достаточно струсившій, но оставшійся на мѣстѣ, рассказалъ, что напугала насъ бѣлая ло-

щадь, которую, связавъ ей переднія ноги, пустилъ на погостъ покормиться ночью травой дьячекъ. Больше я ночью къ церкви не ходилъ и только еще разъ, но уже совершенно одинъ, бѣгалъ въ лѣсъ (уже юношей), на пари, въ ночь на Ивана-Купала, чтобы сорвать цвѣтъ папоротника, если таковой попадется. Но папоротникъ для меня не расцвѣлъ и ничего страшнаго и фантастическаго я въ лѣсу не видалъ даже въ такую ночь, какъ на Ивана-Купала.

Интересную личность представлялъ изъ себя нашъ спасскій священникъ. Онъ на первое мѣсто, тотчасъ же по окончаніи курса въ семинаріи и послѣ женитьбы, былъ назначенъ настоятелемъ нашей церкви. Я помню первый его визитъ къ намъ съ женою: оба они были молоды, красивы, жизнерадостны и казались счастливыми людьми. Такъ оно и было въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; но съ теченіемъ времени тяжелыя условія жизни сельскаго священника, если онъ человѣкъ не удовлетворяющійся, въ церковныхъ обязанностяхъ священства, грубыми матеріальными интересами, сказались на нашемъ умномъ и миломъ батюшкѣ. Онъ затосковалъ въ тогдашней сельской обстановкѣ и въ своемъ духовномъ одиночествѣ. Какъ разъ въ этотъ критическій періодъ его жизни наша семья переселилась на зиму въ Москву, да и лѣта два проводила не въ Спасскомъ, а въ другомъ имѣніи; отецъ Иванъ лишился подспорья, которое онъ находилъ въ нашемъ обществѣ и въ пользованіи книгами Спасской бібліотеки и получавшимися нами журналами. Безъ книгъ, безъ иного общества какъ почти поголовно неграмотное крестьянство, запивавшій дьяконъ, да древній старикъ- священникъ сосѣдняго села, безъ возможности какой либо общественной дѣятельности, ибо школъ тогда не было, благотворительность была не доступна по неизмѣнно недостаточныхъ средствъ,—батюшка „опустился“. Его давила рутина воспитанія и жиз-

ни, не указывавшая никакого пути кромѣ шаблоннаго прозябанія, и не хватало личной энергіи и инициативы; онъ затосковалъ и сталъ выпивать. А тутъ еще присоединились разладъ съ женой, считавшей вздоромъ духовные и умственные запросы мужа, семей-

Б. дворовый—учитель и регентъ
Федоръ Макарычъ.

ныя на этой почвѣ непріятности, столкновенія съ духовнымъ начальствомъ, и отецъ Иванъ погибъ. Онъ сталъ уже не только выпивать, но просто пить, пить запойно, недѣлями, раза два доводилъ себя до бѣлой горячки и наконецъ заболѣлъ психически и былъ помещенъ въ больницу. Въ началѣ своего пребыванія въ Спасскомъ онъ давалъ мнѣ уроки „закона Божія“ и велъ эти занятія образцово. Такъ погибъ благород-

ный, умный, талантливый человекъ, погибъ благодаря собственной неустойчивости и крайне тяжелымъ условіямъ сельской жизни того времени.

У батюшки, пока онъ былъ здоровъ, былъ прекрасный голосъ и хорошій слухъ, и онъ помогалъ нашему церковному любительскому хору, состоявшему подъ уп-

равленіемъ нашего двороваго Федора Макаровича, разучивать и исполнять церковныя пѣснопѣнія. Пѣли въ хорѣ всѣ изъ нашей семьи у кого былъ голосъ и слухъ и нами не пропускались воскресныя богослуженія, особенно лѣтомъ, когда церковная служба происходила въ лѣтней половинѣ храма, свѣтлой, высокой, на много большею, чѣмъ зимнее, отапливавшееся помѣщеніе. У меня сохранились очень свѣтлыя, радостныя воспоминанія о лѣтнихъ посѣщеніяхъ церкви. Сперва медленный, гулкій и торжественный благовѣсть, а затѣмъ радостный, призывной трезвонъ располагали къ чему то хорошему и подъ звукъ его было легко идти по старой, не пропускавшей ни одного луча солнца, липовой аллеѣ къ церкви и тамъ, войдя въ боковыя двери, пройти вдоль иконостаса на правый клиросъ и оглядѣть знакомую иконопись и еще болѣе знакомую толпу предстоящихъ и молящихся, становившуюся въ одномъ и томъ же порядкѣ, такъ что я всегда напередъ зналъ гдѣ именно увижу мельничнаго записку Степана, фельдшера Пучкова, зажиточнаго мужика Акимъ Михайловича, Степана-плотника и, сбивавшихся

Б. дворовые—фельдшеръ Пучковъ съ женою.

всегда въ одну кучу, нарядныхъ и безбожно кокетничавшихъ, миловидныхъ дворовыхъ дѣвицъ. Пѣли мы съ величайшимъ воодушевленіемъ, хотя не всегда удачно, сбиваясь въ запричастномъ стихѣ и во время молебновъ въ иныхъ напѣвахъ, но радостно ожидая такихъ молитвъ какъ „Царю Небесный“, „Тебѣ Бога хвалимъ“ и „Спаси Господи люди твоя“. Въ отворенное окно, у самага клироса, врывался свѣжій воздухъ и вливались лучи солнца, золотя красиво клубящійся дымъ ладана; подъ легкимъ порывомъ вѣтра къ рѣшоткѣ окна, проникая вѣтками въ церковь, прижималась тонкая березка, выросшая у самой стѣны, а тамъ дальше виднѣлись еще березки и заросшія травой и дикимъ бурьяномъ старыя невѣдомо чьи могилки. Маменькѣ, стоявшей передъ кресломъ на коврикѣ у самага клироса, діаконъ выносилъ просфору, и быстро наступалъ конецъ богослуженія. Всѣ мы шли тогда домой уже не аллеей, а мимо родственныхъ могилъ въ оградѣ, которыя украшались нами цвѣтами, Софьинымъ садомъ. Тамъ у насъ всегда бывала остановка, матушка и старшіе садились на скамейку и, если это былъ день чьихъ либо именинъ или рожденья (не дѣтей конечно), то мы пѣли „многая лѣта“. Особенно торжественно и богослуженіе и весь обиходъ дня проходили у насъ 12 іюля—день рожденія матушки. Тутъ мы, при увеличившемся пріѣзжими гостями (все свои обычные гости) хорѣ, пѣли, хотя не лучше, но гораздо громче, обѣдали всего чаще на чистомъ воздухѣ въ саду, а при наступленіи темноты устраивали иллюминацію, къ которой готовились (дѣти и подростки) задолго до 12 іюля. Иногда въ этотъ день выписывался изъ города оркестръ военной музыки и въ саду же устраивались танцы, а позднѣе старшіе варили въ „галлереѣ“ (такъ у насъ называлась длинная крытая бесѣдка, стоявшая надъ рѣкой) жженку и пѣли уже свѣтскія пѣсни и плясали русскую.

Въ дѣтствѣ изъ всѣхъ многочисленныхъ комнатъ

Спасскаго дома я особенно любилъ бывшій отцовскій кабинетъ, онъ же библіотека. Вдоль всѣхъ стѣнъ этой комнаты на стѣнахъ, до потолка, шкафы со стеклянными дверками и на полкахъ, на которыхъ стояли кн. большаго цѣ-

Садъ въ Спасскомъ .

ше до потолка, шкафы со стеклянными дверками и на полкахъ, на которыхъ стояли кн. большаго цѣ-

рядкѣ книги. Въ особыхъ отдѣленіяхъ помѣщались особенно громоздкія большихъ размѣровъ изданія, почти всѣ переплетенныя, атласы, альбомы и т. п. Въ комнатѣ держался совершенно особый, только ей свойственный, запахъ, какъ мнѣ казалось, книгами. Ничего другого въ ней и не было и никто въ ней не жилъ. Ключи отъ книжныхъ шкафовъ хранились тутъ же въ опредѣленномъ мѣстѣ и, пользуясь ими, я, въ свободное отъ ученія и отъ прогулокъ время, забирался въ библіотеку и, отперевъ какойнибудь изъ шкафовъ, выбравъ книгу и устроившись тутъ же на креслѣ, читалъ ее, или уносилъ къ себѣ и потомъ по прочтеніи возвращалъ на мѣсто. Я не скажу, чтобы такое свободное пользованіе книгами было мнѣ дозволено, оффиціального разрѣшенія я не получалъ, но мое хозяйничанье въ библіотекѣ терпѣлось; кажется домашнее начальство дѣлало видъ, что не замѣчаетъ моихъ библіографическихъ экскурсій. Благодаря этому попущительству я прочелъ массу книгъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, прочелъ безсистемно, безъ надлежащей для чтенія многихъ произведеній подготовки, увлекаясь то тогдашней беллетристикой или драматургіей, то сочиненіями по философіи, исторіи, ботаникѣ, зоологін. Въ возрастѣ отъ 12 до 17 почти лѣтъ я прочелъ чуть не половину Спасскаго книжнаго богатства и на всю жизнь пристрастился къ книгамъ. Конечно похвалить такую систему чтенія нельзя, но въ тѣ годы свободный выборъ книгъ доставлялъ мнѣ много наслажденія и едвали имѣлъ на меня особенно дурное вліяніе. Всего болѣе я тогда увлекался Гоголемъ, Лермонтовымъ, Аксаковымъ, Гончаровымъ, Алексѣемъ Толстымъ и Тургеневымъ, а изъ иностранцевъ Шиллеромъ, Ауэрбахомъ, Шпильгагеномъ, Евгеніемъ Сю, Вальтеръ-Скоттомъ и Куперомъ.

Очень не охотно покидали мы Спасское въ тѣ годы, въ которые зиму семья наша проводила въ недеревнѣ, а въ

Москвѣ. Уѣзжали обычно въ концѣ августа, когда еще было совсѣмъ хорошо и наступалъ яблочный сезонъ. Но юный возрастъ бралъ свое, и приготовления къ отъѣзду

Зимой въ Спасскомъ.

ѣзду достаточно развлекали и утѣшали насъ. Сборы и укладка начинались уже за цѣлую недѣлю до отъѣзда, а дня за два вывозились изъ каретнаго сарая дормезъ

и тарантасъ и ставились у дѣвичьяго крыльца. Дормезомъ и вообще экипажами, стоявшими въ сараѣ, мы всегда увлекались и, когда сарай бывалъ отпертъ, забирались въ него. Тамъ господствовалъ полумракъ, и рессорные экипажи стояли закрытые холщевыми чехлами большіе, казалось важные, похожіе на чудовища. И запахъ въ сараѣ былъ интересный-старой кожей, кучерами и слегка дегтемъ; тутъ мы забирались внутрь кареты и на козлы, усаживались верхомъ на бѣговья дрожки и очень веселились. Когда начиналась укладка мы вертѣлись около выкаченныхъ экипажей и подъ благовиднымъ предлогомъ помощи мѣшали укладывать.

Наканунѣ отъѣзда Мавра Андреевна снабжала насъ, cadaго, нѣсколькими мѣшочками, въ которыхъ была насыпана отдѣльно сухая малина, сухая земляника и сушенныя груши, а сушенныя яблоки давались прямо связкой, нанизанныя на бичевку. Все это полагалось сѣсть дорогой, къ которой готовились, уже для всѣхъ кокурки, ржаныя и бѣлыя лепешки, печеныя яйца и т. п. дорожныя снѣди. Въ самый день отъѣзда съ утра въ домъ приходилъ батюшка съ діаконѣмъ и сидѣли съ нами, а изъ буфетной выглядывали дьячокъ и пономарь, одѣтые въ сѣрые длиннополые кафтаны съ намотанными на шею платками и съ выпущенными на спину заплетенными короткими косичками, а затѣмъ входили въ залу и вмѣстѣ съ учителемъ изъ дворовыхъ Федоромъ Макарычемъ клали на поставленный заранѣе въ углу ломберный столъ, покрытый бѣлой скатертью, крестъ, евангеліе и укрѣпляли на мискѣ съ водой, стоявшей тамъ же, восковыя свѣчи. Наконецъ всѣ отъѣзжающіе и остающіеся въ Спасскомъ господа собирались въ залѣ, входили дворовые и, когда, наконецъ, являлась мамаша, священникъ и діаконъ облачались, Василій вносилъ кадило съ раззоженными углями и начиналось длинное молебствіе съ водосвятиемъ и съ интереснымъ чтеніемъ о томъ, какъ путешествовалъ нѣкій Товія и

какія съ нимъ были дорожныя приключенія. Вскорѣ же послѣ молебна всѣ бывшіе въ залѣ сѣдѣли и начиналась длительная церемонія прощанія съ обязательными цѣлованіемъ, иногда слезами и обычными пожеланіями добраго пути и счастливаго возвращенія. Все это занимало насъ, но скорѣ долгій обратный путь надоѣдалъ, лакомства съѣдались, и ѣхать становилось скучно, а когда иной разъ наступало ненастье и цѣлый день по верху кареты и въ окна барабанилъ дождь, и мы двигались впередъ медленно, благодаря грязи, въ селахъ на большой дорогѣ достигавшей иногда невѣроятныхъ размѣровъ, то на душѣ становилось даже тоскливо, и съ сожалѣніемъ вспоминались свѣтлые, веселые лѣтніе дни въ Спасскомъ.

Большія дороги, эта уходящая въ забываемое прошлое особенность Россіи, уныло выглядящія, тянущіяся прерываемой кое-гдѣ линіей ветель, а иногда березъ, по безконечной пустынной равнинѣ! Я и теперь, видя такую дорогу изъ окна вагона быстро несущагося желѣзнодорожнаго поѣзда, или временно проѣзжая куда-нибудь неподалеку по ней на лошадахъ, переживаю впечатлѣнія былого, когда сутками приходилось не разставаться съ нею. Меня каждый разъ охватываетъ щемящее чувство тоски, но въ то же время роднымъ и близкимъ вѣетъ отъ этой унылой картины. Странныя дороги! Широкія безъ какой-либо нужды въ этомъ, т. к. хотя онѣ и изрѣзаны засохшими колеями и густо заросшими придорожникомъ слѣдами во всю ширину, но ѣзда идетъ по одной лишь торной тропѣ, часто перебрасывающейся съ одной стороны дороги на другую и даже взбирающейся на ограничивающій ее валъ, гдѣ колеса экипажа стучаются о корни растущихъ на валахъ ветель, а пристяжныя рискуютъ удариться головами о стволы ихъ. А ветлы, старыя, престарыя почтенныя, многострадальныя ветлы! Некрасивыя, сѣрыя, съ корой, обросшей мѣстами желтымъ мохомъ,

то держащіяся еще могуче большимъ, развѣсистымъ деревомъ, то на половину обломанныя, искалѣченныя, растущія какъ-то вбокъ, или совсѣмъ вывернутыя, иныя съ громаднымъ дупломъ, нерѣдко выжженнымъ внутри или только что пошедшія молодыми побѣгами отъ свалившагося наконецъ ствола. Какъ онѣ уцѣлѣли до сихъ поръ! Почему не погибли всѣ! Вскорѣ же послѣ посадки ихъ, еще въ Аракчеевскія времена, ихъ предоставили самимъ себѣ и не заботились о нихъ. Да еслибы только это, а то кто не губилъ и не мучилъ ихъ! И бури ломали и по днесь ломаютъ ихъ, низвергая цѣлыя деревья, отрывая громадныя сучья, усыпая болѣе мелкими вѣтвями дорогу во всю ея ширину, и молнія разбивала и разщепляла ихъ, и снѣжныя вьюги и морозы отнимали у нихъ, одиноко стоящихъ на юру, жизнь и здоровье, и люди, вмѣсто заботъ, увѣчили ихъ, рубили, обламывали, даже выжигали, разводя внутри дупла костры... Ихъ становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше, но какимъ-то чудомъ они держатся еще кое-гдѣ на дорогахъ. Осенней темной ночью, несмотря на стукъ экипажа, слышно, какъ вѣтеръ шумитъ въ ихъ вѣтвяхъ и долго держащейся листвѣ, и звуки эти успокаиваютъ проѣзжаго, убѣждая въ томъ, что онъ не съѣхалъ съ большака и не рискуетъ свалиться въ оврагъ. Зимой въ метель какое, бывало, успокоеніе разглядѣть сквозь крутящуюся пелену снѣга знакомыя очертанія придорожныхъ ветелъ, особливо когда подъѣдешь къ нимъ съ проселка и онѣ замѣнятъ низкіе, заметаемые снѣгомъ, вѣхи изъ соломы. А лѣтомъ сколько странникамъ и пѣшеходамъ даютъ онѣ возможность отдохнуть, прислонившись къ стволу одной изъ нихъ, или улегшись въ тѣни ихъ и прячась подъ ними отъ палящихъ лучей солнца!

Для меня теперь большія дороги съ ветлами, почтовые станціи съ удушливымъ воздухомъ, загаженной мухами табелью междустанціоннаго пробѣга

и тесноту узких, низких и непроходимых улиц, убогий столонъ съ книгой, счетами и чернильницей, кланяться, обсервировать ливадью, бить по шее

Москва въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтїя. Группа участниковъ любительскаго спектакля (Братья Сухотины, Д. В. Давыдовъ, Бѣгичевъ, Лашкевичъ и др.).

тытъ клоунами во второй комнатѣ, — все это далекое прошлое. Прошлое — станціонныя смотрители, жалкіе люди, удивленіе, безразличіе въ лицахъ, полныя недоумѣнія

ные на судьбу, да обязательные въ прежнее время колокольчикъ „даръ Валдая“ и наборъ глухарей и мелкихъ бубенчиковъ. Можетъ все это существуетъ гдѣ-нибудь въ Сибири, или на дальнемъ сѣверѣ, но у насъ, въ центрѣ Россіи—все это прошлое.

Нѣсколько зимъ подрядъ семья наша провела въ Москвѣ, гдѣ дѣтская жизнь проходила уже при совсѣмъ другихъ условіяхъ; той сравнительно большой свободы, которою мы пользовались въ деревнѣ, уже не было на лицо; въ городѣ мы постоянно находились подъ надзоромъ,—въ раннемъ дѣтствѣ у няни, а позднѣе на „мужскомъ верху“—въ вѣдѣніи Herr Streng. О свободномъ чтеніи книгъ и рѣчи быть не могло, да въ Москвѣ и не было большой домашней библіотеки; не было катанья съ горъ, игръ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками, прогулокъ въ санкахъ на одиночкѣ и на тройкѣ по большой дорогѣ, или зимнякомъ по льду рѣки; по улицамъ и бульварамъ приходилось идти чинно, безъ шалостей; но жилось и въ Москвѣ весело. Что особенно увлекало насъ (меня, Васю Прокунина и Сашу Данзаса) это былъ театръ, стремленію къ которому у насъ не было границъ. Мы не удовлетворялись лицезрѣніемъ настоящихъ театральныхъ представленій, а создавали дома свой театръ, для котораго мы же писали трагедіи и драмы; легкій жанръ нами не признавался. Если я не ошибаюсь мною было написано не менѣе десяти пьесъ, на темы главнымъ образомъ изъ средневѣковья, съ королями, рыцарями, оруженосцами, пажамъ, благородными дамами, наперсниками и наперсницами, злодѣями, тюремщиками, палачами, нерѣдко при участіи фантастическихъ дѣйствующихъ лицъ въ видѣ колдуновъ, привидѣній, сатаны, изрыгающихъ огонь драконовъ и всевозможныхъ чудовищъ. У насъ былъ сработанный дома, при помощи столяра, небольшой театръ

съ разными приспособленіями для проваловъ, исчезновеній и т. п. Декораціи рисовалъ (и очень недурно), Вася Прокунинъ, костюмы для дѣйствующихъ лицъ изъ картона и разноцвѣтной бумаги по нашимъ указаніямъ намъ дѣлали при посредствѣ классной дамы одного изъ Московскихъ институтовъ M-lle Menée, дававшей намъ уроки французскаго языка, воспитанницы этого учебнаго заведенія, которыхъ, кстати сказать, мы никогда не видали и которымъ пишу теперь, если я не опоздалъ, глубокую благодарность, а музыку для увертюръ и музыкальныхъ выступленій сочинялъ тоже Вася. Я кромѣ авторства завѣдывалъ машинной частью, и въ моемъ распоряженіи находился большой запасъ, совершенно необходимаго для выполненія настоящей трагедіи, ликоподія, — *Semen licorodii*, дающаго сколько угодно безвреднаго пламени. Публичныя представленія у насъ устраивались рѣдко, что-нибудь обычно мѣшало, но репетицій и приготовленій бывало бездна, и они достаточно насъ занимали. А кромѣ того, мы и сами еще дѣйствовали, то устраивая живыя картины съ концертомъ, въ которомъ нами исполнялась Гайденовская *Kindersymphonie*, Вася игралъ solo на фортепіано и кто-нибудь изъ старшихъ пѣлъ, то устраивая обстановочныя шарады. Живымъ картинамъ, сопровождавшимся концертнымъ отдѣленіемъ, мы выучились въ Большомъ театрѣ, гдѣ такія представленія давались довольно часто великимъ постомъ, въ теченіе котораго, въ моемъ дѣтствѣ, драматическіе, оперные и балетные спектакли не допускались. Музыкальная часть этихъ казенныхъ великопостныхъ представленій не отличалась какими-либо достоинствами: передъ началомъ каждаго отдѣленія оркестромъ кое-какъ игралась какъ-нибудь избитая оперная увертюра, кто-либо изъ оркестровыхъ музыкантовъ игралъ solo и тоже кто-либо изъ своихъ артистовъ пѣлъ оперную арію. Наибольшій интересъ представляли именно живыя картины, ставившіяся на

сценѣ въ особо устроенныхъ рамахъ; въ картинахъ этихъ выступали артисты и Малаго и Большого театровъ, даже первостепенные; по правдѣ сказать, чего-либо дѣйствительно художественнаго и даже сколько-нибудь интереснаго эти картины не представляли, и надо было обладать большой наивностью и нетребовательностью, чтобы удовлетворяться такими представленіями. Публика однако шла въ театръ, вѣроятно, чтобы внести хотя нѣкоторое разнообразіе въ великопостное времяпровожденіе.

Великій постъ въ тѣ годы замѣтно отличался отъ остального времени и въ домашней, и въ общественной жизни москвичей. Постная пища настолько была въ ходу, что даже на улицахъ пахло поджареннымъ деревяннымъ масломъ и скоромники, особливо на первой, крестопоклонной и Страстной недѣляхъ, встрѣчались рѣдко, и такое радикальное поведеніе въ общемъ не одобрялось. Въ зажиточныхъ семьяхъ подавалось постное, но во многихъ домахъ это была лишь внѣшность. Супы варились на бульонѣ, жарилось все на сливочномъ маслѣ, но, на примѣръ, пироги и пирожки, картофель слегка смазывавались прованскимъ масломъ для отвода глазъ и обонянія. Къ кофѣ подавались жирныя „сливки“, добывавшіяся изъ грецкихъ орѣховъ. Церковный звонъ постомъ, казалось, не прекращался въ Москвѣ и церкви бывали полны говѣющими всѣхъ классовъ населенія. Говѣли къ тому же солидно, не пропуская службъ, хотя, конечно можно было и тутъ устроить себѣ облегченіе, а именно явиться не къ началу службы, что и было въ ходу. Зато Пасха была дѣйствительно праздникомъ послѣ томительно-долгаго поста и радовала веселымъ церковнымъ перезвономъ, замѣнявшимъ унылое великопостное гудѣніе колоколовъ, радостными церковными напѣвами и свѣтлыми ризами, разговеніемъ, обычно (а у прислуги всегда) вызывавшимъ, однако, желудочныя недомоганія, общимъ христосованіемъ, со-

проводившимся обменом пасхальными яйцами, цѣлованіемъ, отъ котораго никто тогда не уклонялся, и разноцвѣтными шелковыми рубашками половыхъ въ трактирахъ.—А ужъ намъ, дѣтямъ, Пасха была особенно радостна. На цѣлую недѣлю не было ученія, ежедневно къ утреннему чаю подавались вкусные куличъ и пасха, исключительно домашняго приготовленія, а главное мы вступали словно въ царство пасхальныхъ яицъ. Пасха для насъ начиналась въ сущности еще на страстной; эту недѣлю дѣти тоже очень любили изъ за интересныхъ церковныхъ службъ и вербныхъ забавъ. Начинались они съ того, что вернувшіяся изъ церкви, отъ всенощной молоденькія горничныя слегка, и совсѣмъ не больно, стегали насъ принесенными съ собою вербами, приговаривая: „верба клестъ, бей до слезъ“, а затѣмъ мы ужъ между собою предавались вербнымъ битвамъ и сощипывали съ вербы „зайчиковъ“, какъ мы ихъ звали; тутъ же наступало и вербное гуляніе, на которое всегда насъ возили, и мы тамъ побрѣтали много пріятныхъ, хотя мало полезныхъ, вещей. И, наконецъ, наступало давно нами ожидаемое крашеніе яицъ. Красили мы ихъ, при содѣйствіи Параша и тоже значительно заинтересованныхъ этимъ дѣломъ горничныхъ, нащипанными нами же изъ кусочковъ разноцвѣтной шелковой матеріи нитками вродѣ корпіи (которую мы тоже дергали во время Севастопольской компаніи для раненыхъ, но изъ полотна) и купленными въ „городѣ“ Шемаханскими шелками, подбавляя иногда кусочки луковой шелухи, дающей ярко коричневую окраску, причемъ во все это, положенное въ тряпочку изъ марли, завертывалось яйцо и варилось непременно въ щелокѣ, а затѣмъ вынималось, равязывалось и для блеска смазывалось прованскимъ масломъ; а то нами брались уже выкрашенные на кухнѣ красныя яйца и на нихъ налѣплялись, рисункомъ, узоромъ и словами, тонкія катушки и кусочки мягкаго желтаго воска (отъ церков-

ныхъ свѣчей), послѣ чего яйца клались въ квасъ, а когда черезъ нѣсколько часовъ извлекались изъ него, то краска оказывалась сошедшей съ открытыхъ мѣстъ яйца, а рисунокъ, сдѣланный воскомъ, оставался краснымъ. На самой Святой происходили ежедневныя, иногда въ большомъ обществѣ дѣтей, грандіозныя катанья яицъ по полу, постланному ковромъ, при посредствѣ особой конструкціи жолоба, игра далеко не просто азартная, а требовавшая мѣткости и сноровки, и наконецъ поединки—разбиваніе яицъ остріемъ и тупикомъ, обмѣнъ яицъ, полученіе подарковъ въ яйцахъ съ сюрпризами. Всю недѣлю царило дѣтское оживленіе, поѣздки въ гости и вообще великое веселіе, несомнѣнно связанное и съ освобожденіемъ отъ зимы, поста и съ ожиданіемъ весны и лѣта.

II.

Переходъ отъ дѣтства къ отрочеству наступилъ для меня въ Москвѣ сразу, очень замѣтно, мнѣ казалось даже торжественно. Я изъ дѣтской, находившейся между комнатою сестры и дѣвичьей, былъ переведенъ на мужской верхъ, въ очень большую (а можетъ намъ такъ казалось) комнату, раздѣленную на двѣ половины не доходившей до потолка перегородкой, за которой находились кровати Herr Strengе, моя и уже водворившагося тамъ Васи Прокунина. А кромѣ того послѣдовала радикальная реформа моего костюма; вмѣсто русской рубашки, шароваръ и высокихъ сапогъ, я получилъ нѣмецкое платье-куртку, бѣлую рубашку съ крахмальнымъ воротничкомъ и такими же рукавчиками, галстухъ, и мнѣ было дозволено причесываться на косой проборъ. Все это очень восхищало въ первое время, даже начавшееся тогда же изученіе латинскаго языка, и смягчало разлуку съ Парашей. Но переходъ отъ отрочества къ юношеству наступилъ совершенно незамѣтно и даже

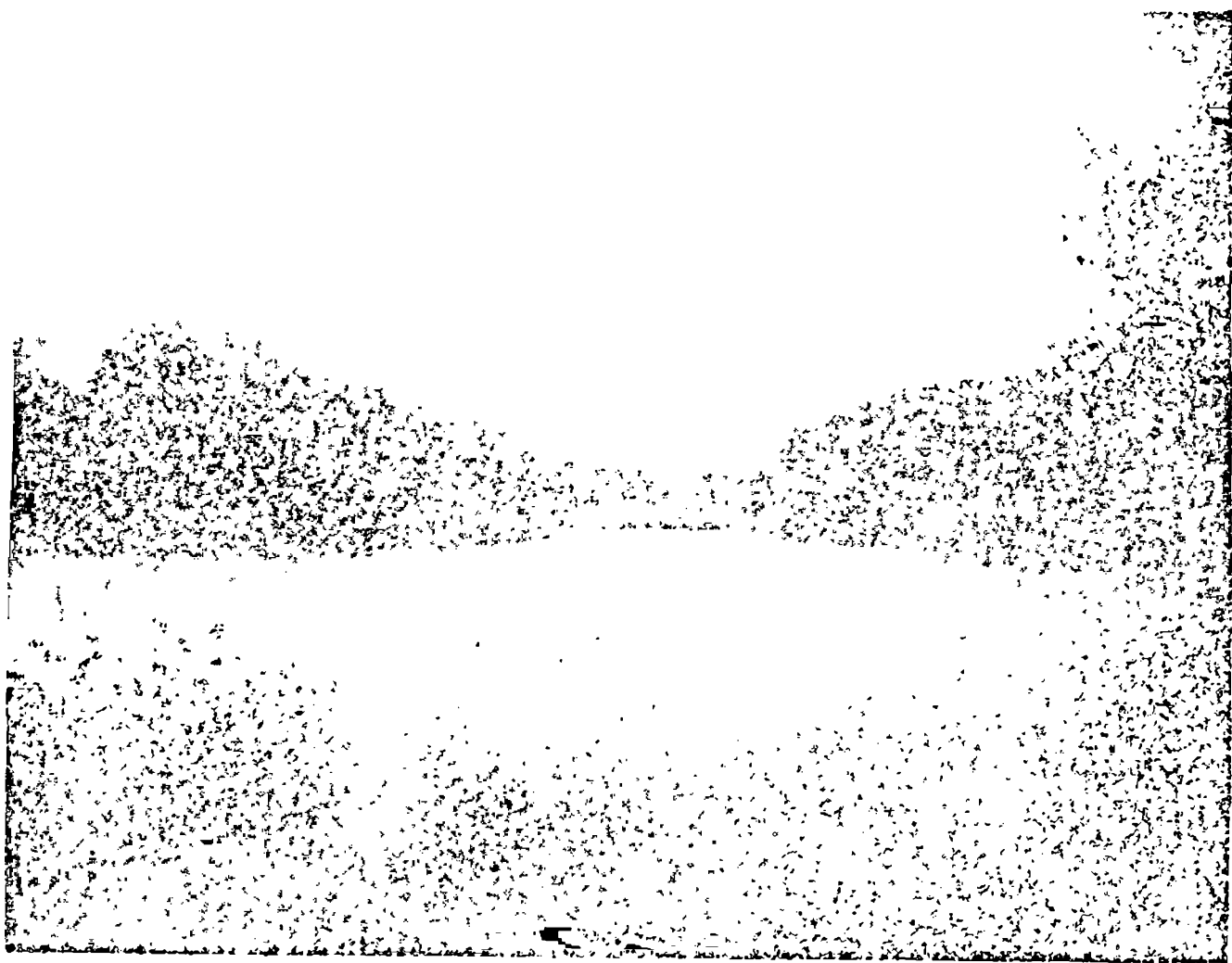
неуловимо; этотъ періодъ засталъ меня въ деревнѣ, гдѣ семейная жизнь, связывавшая всѣхъ насъ воедино, не развлекалась вторгавшимися въ нее въ городѣ посторонними лицами и событіями, не допускавшими участія дѣтей, а шла гораздо общѣе; подрастающее поколѣніе не устранялось, отъ него не уходили.

Въ Спасскомъ большомъ домѣ, какъ я уже говорилъ раньше, и зимою и лѣтомъ, бывало много жильцовъ, кромѣ своей семьи,—пріѣзжавшихъ погостить сосѣдей, городскихъ друзей и знакомыхъ и лицъ, основавшихся у насъ по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, иногда просто потому что некуда было дѣваться; общество въ большинствѣ было молодое и расположенное къ веселію. Особый оттѣнокъ лежалъ на томъ какъ тогдашняя молодежь веселилась и чѣмъ она увлекалась, при томъ молодежь, въ простотѣ деревенской жизни, предоставленная себѣ безъ какого либо контроля старшихъ. Не только внѣшне, — манерами, одеждой, но и внутренне тогдашняя молодежь (того круга, о которомъ я пишу) отличалась отъ теперешней, особенно въ отношеніяхъ, складывавшихся между молодыми людьми и дѣвушками. Въ ту пору еще процвѣталъ романтизмъ и лиризмъ; взаимная влюбчивость стояла на высокой ступени, но она исключала сколько-нибудь грубую сексуальную подкладку; во всякомъ случаѣ этой сторонѣ взаимныхъ отношеній не довалась возможности развиваться. Влюбленность была налицо, но она не обязывала ни къ чему, а лишь оживляла молодежь, окрыляла ее. Очень наивнымъ, дѣтскимъ показалось бы теперь все то, что занимало тогда молодое общество; танцы и тогда были въ ходу, но очень далекіе отъ „танго“ и другихъ теперешнихъ: барышни танцовали качучу съ кастаньетами, *pas de chale*, русскую, и однѣ, и съ кавалерами; когда собиралась большая компанія, то танцовали мазурку, вальсъ, простую польку и польку-мазурку, французскую кадрили, лансье, гросфатеръ. Ро

мансы и пѣсни пѣлись по-русски и по-французски очень сантиментальные и съ большимъ чувствомъ; подражаніе цыганамъ тогда не было въ ходу, а пѣлись такія вещи: какой-то исчезнувшій изъ моей памяти „чиби-рякъ“ (помню лишь припѣвъ: чибирякъ, чибирякъ, чибиряшечка, съ голубыми ты глазами моя душечка“...) „Вечеркомъ красна дѣвица“, „Кубокъ янтарный“, „Мы двѣ цыганки“, „Только станетъ смеркаться немножко“, „Пловцы“, романсы Глинки, Алябьева, Гурилева, Варламова, Шуберта и цѣлый рядъ французскихъ романсовъ и пѣсенокъ, заглавія которыхъ я теперь забылъ, но очень чувствительныхъ и нѣжныхъ. На Святкахъ пѣлись подблюдныя пѣсни („Ужъ я золото хороню“), происходило гаданье: лили воскъ и олово и смотрѣли какую фигуру представить тѣнь слитка на стѣнѣ, барышни смотрѣли въ пустой комнатѣ въ зеркало и всегда видѣли что нибудь, шло гаданье съ приносившимся въ залу пѣтухомъ. Мужскимъ хоромъ пѣлось „крамбамбули“, въ которомъ я помню такой странный куплетъ), такъ его у насъ пѣли): „Когда бы я былъ героемъ и грозныхъ турокъ побѣдилъ, то, возвратясь тогда я съ бою, молодой дѣвицѣ забразилъ“. Пѣли вообще очень много, большею частью русскія пѣсни, а также нѣмецкія, которыми обучалъ насъ веселый немѣцъ Strengel. Иногда все общество наряжалось настолько разнообразно, насколько позволяли старинныя одежды и вещи, хранившіяся въ большомъ количествѣ въ стоявшихъ въ кладовыхъ громадныхъ сундукахъ: въ мундиры Павловскихъ временъ, треуголки, чудныя дамскія шляпы, старыя шали, чепцы и капоты, надѣвали домодѣльныя маски и ѣхали къ сосѣдямъ въ нѣсколькихъ саняхъ.

Приблизительно въ это время объявился въ нашихъ мѣстахъ донго стоявшій на Кавказѣ пѣхотный полкъ и былъ расквартированъ въ сосѣднихъ селахъ. Г. г. офицеры не преминули, конечно, явиться и затѣмъ отъ времени до времени посѣщать Спасское. Но они, въ-

роятно, одичавъ отъ долгаго пребыванія на Кавказѣ, гдѣ они дрались съ горцами, не очень подошли къ нашему обществу и не сошлись съ нашей молодежью. Впрочемъ одинъ офицеръ бывалъ у насъ часто; онъ былъ очень юнъ, влюблялся въ каждую безъ исключенія дѣвицу, съ которой встрѣчался, вскорѣ же дѣлалъ ей брачное предложеніе, получалъ отказъ, но этимъ не обижался, и переносилъ любовь свою на другую. Онъ являлся

Рѣка Цна у Спасскаго.

всегда съ гитарой и тонкимъ теноркомъ пѣлъ нѣжные романсы, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Впослѣдствіи полкъ перебрався въ сосѣдній уѣздный городъ, гдѣ всѣ холостые офицеры быстро переженились на мѣстныхъ дѣвицахъ изъ купеческаго сословія.

Часто у насъ устраивались на домашней сценѣ спектакли, въ которыхъ и мнѣ приходилось принимать участіе. Дебютировалъ я, помню, еще совсѣмъ подросткомъ въ роли „Дуняшки“ въ „Женитьбѣ“. Но мы юнцы

учи́няли и собесе́нныя шпектэлы по-руски и по-и́-
менки, даи чегэ са́ми и при содѣ́стани Strange писали

Спаская мельница на Челновой.

комедій, И зъ студенческіе мои годн лѣтомъ у насъ
уѣстраивались спектакли, и я уже игралъ такіа роли,

какъ „Подколесина“ въ „Женитьбѣ“, „Фишера“ въ водевилѣ „Ась и Фертъ“ и т. п.

Изъ спортивныхъ удовольствій мы, кромѣ охоты по лѣсной и болотной дичи и по звѣрю, предавались со страстью ловлѣ рыбы и раковъ. Ловили рыбу въ Челновой на мельницѣ и въ Цнѣ самыми разнообразными способами, удочками, перетягами, неретами, бреднемъ, неводомъ и острогой, а раковъ на приманку (кусочки мяса, привязанные къ веревкѣ, забрасывавшейся, какъ удочка, въ рѣку), кругами съ сѣткой и бреднемъ. Водилось тогда раковъ несмѣтное количество и, бывало, въ три—четыре веревки съ приманкой мы ихъ налавливали въ полчаса съ ведро. На мельницѣ въ омутѣ водились очень большіе сомы; одинъ изъ нихъ разъ опрокинулъ меня ударомъ хвоста съ лодки въ воду, когда я его доставалъ съ крючка на перетягѣ. А одного особенно большого сома, свободно проглатывавшаго молодыхъ утятъ, намъ такъ и не удалось добыть, хотя онъ схватывалъ не разъ утенка, къ ногѣ котораго привязывался крючокъ, и мы даже стрѣляли въ него и вообще придумывали всевозможные способы уловленія. Я особенно любилъ охоту за рыбой съ острогой; она производилась осенью, послѣ спуска воды (мельничнаго пруда), когда рѣка сильно мелѣла, а похолодѣвшая вода, отстоявшись, становилась особенно прозрачной. Въ полную темноту мы съ мельникомъ Афанасіемъ укладывали на носу лодки-челнока желѣзный листъ и на немъ разводили костерчикъ; Афанасій правилъ лодкой, стоя на кормѣ, а я вооружался острогой и, то стоя, то сидя на лавочкѣ, вглядывался съ середины лодки, медленно направляемой Афанасіемъ вдоль береговъ, въ воду. Благодаря ея прозрачности дно, освѣщаемое костромъ, было ясно видно на глубинѣ аршина и больше. Вся рѣчная подводная жизнь была на лицо: медленно ползли по тинѣ или улепетывали, напротивъ, быстро задомъ, ударивъ себя хвостомъ, ра-

ки, мелькали между водными растеніями рыбешки и, наконецъ, удавалось замѣтить большую задремавшую рыбу, щуку, линя, язя. Тутъ требовалась большая ловкость и навыкъ, чтобы ударомъ остроги попасть въ рыбу и самому не свалиться съ валкаго челнока. Особенно прибыльна эта охота никогда не бывала, и не разъ мнѣ приходилось искупаться одѣтому, въ холодной водѣ рѣки; но это въ юные годы лишь придавало большій интересъ ловлѣ.

Медвѣди водились въ нашей округѣ въ Цнинскихъ казенныхъ лѣсахъ; въ то время намъ можно было съ полнымъ основаніемъ пропѣть арію Князя Владиміра изъ оперы „Рогнеда“, начинающуюся словами: „Въ лѣсу много звѣрья живетъ!“ Водились медвѣди, волки, лисицы, лоси, дикія козы, барсуки. Медвѣжьихъ охотъ мы не устраивали, а также не били лосей и козъ, но по волкамъ охотились часто, устраивая осенью облавы, а зимою выѣзжая ночами въ лѣсъ въ саняхъ „съ поросенкомъ“. Глухой осенью и зимой по ночамъ у насъ даже на усадьбѣ можно было слышать отдаленный вой волковъ. Какъ-то съ весны у насъ на усадьбѣ появился пойманный крестьянами совсѣмъ молодой волченокъ; сначала онъ дичился, но вскорѣ совсѣмъ приручился, бѣгалъ по комнатамъ, призналъ всѣхъ насъ, ласкался, помахивая хвостомъ, игралъ съ дворовыми собаками, не обижавшими его, и особенно полюбилъ кухню; но осенью, услыхавъ вой своихъ родичей, не выдержалъ и, вѣроятно, принявъ его за призывъ, убѣжалъ къ нимъ въ лѣсъ. Бывали у насъ и молодые лисенята, но этихъ приручить намъ не удавалось.

По поводу медвѣдя вспоминаю рассказъ одного соседа-помѣщика, большого охотника и, какъ оно часто между ними водилось, хвастуна. Я лично слышалъ, какъ онъ рассказывалъ про встрѣчу въ лѣсу съ медвѣдемъ. Выстрѣливъ въ него, онъ сперва промахнулся,

а вторымъ выстрѣломъ ранилъ медвѣдя, который тогда бросился на охотника. Зарядить вновь ружье помѣщикъ не успѣлъ, кинжала съ нимъ не было, товарищи по охотѣ отошли далеко и онъ, чтобы спастись, забрался на дерево, ухватившись за сукъ. Медвѣдь однако не ушелъ, а замѣтивъ продѣлку охотника, сѣлъ около дерева, не спуская съ него глазъ. Но и этого показалось, наконецъ, медвѣдю мало; онъ обхватилъ стволъ дерева, на которомъ сидѣлъ рассказчикъ, и сталъ его трясти. Медвѣдь очевидно былъ феноменальный, ибо онъ настолько раскачалъ дерево, что сшибъ съ него помѣщика, упавшаго къ ногамъ звѣря. На вопросъ слушателей „ну и что же“, рассказчикъ, придя въ восторженное состояніе, съ пафосомъ отвѣтилъ двумя словами: „въ клочки“, забывъ, что пострадавшій былъ онъ самъ. Тотъ же помѣщикъ, когда-то служившій недолго въ какомъ-то мирно квартировавшемъ въ центральной Россіи полку, рассказывалъ подробно о своихъ геройскихъ подвигахъ на Кавказѣ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ никогда и не бывалъ, въ битвахъ съ кабардинцами и чеченцами, объ участіи въ штурмѣ Гуниба и взятіи въ плѣнъ Шамиля, а иногда, особенно разгораясь, показывалъ, снявъ сюртукъ и рубашку, слѣды полученной имъ, будто, раны въ плечо ударомъ пашки. По его словамъ онъ разъ пятнадцать дрался на дуэли и убилъ не менѣе трехъ своихъ соперниковъ.

Тогда завѣдомыхъ вралей, мнѣ кажется, было больше, чѣмъ теперь, что вѣроятно зависѣло отъ меньшей освѣдомленности провинціальной публики, отъ расположенія ея къ выслушиванію фантастическихъ рассказовъ, отъ большей наивности и легковѣрія. И теперь встрѣчаются люди, невѣсть что про себя рассказывающіе, именующіеся не принадлежащими имъ титулами и званіями, но дѣлается это обычно съ какою-либо корыстной цѣлью, подъ враньемъ скрывается мошенниче-

ская продѣлка; но тѣ „врали“, про которыхъ я говорю (я зналъ въ шестидесятихъ годахъ въ провинціи нѣсколькихъ таковыхъ), отнюдь не преслѣдовали корыстныхъ цѣлей, а врали именно изъ любви къ искусству, были своего рода поэтами-сочинителями.

Я зналъ въ то время одного такого сочинителя-фантазера, но изъ совсѣмъ другой категоріи людей. Это былъ „простой“ человѣкъ, уже не молодой, служившій лѣснымъ сторожемъ въ имѣніи одного помѣщика нашей округи; онъ былъ кажется изъ дворовыхъ или мѣщанъ. Я съ нимъ встрѣчался въ лѣтнюю пору по нѣскольку разъ, охотясь въ лѣсу его хозяина по тетеревамъ, мѣстонахождение выводковъ которыхъ указывалъ всегда именно онъ. Во время перерывовъ охоты для отдыха онъ рассказывалъ невѣроятныя исторіи, то съ участіемъ его самого въ нихъ, а то и постороннихъ ему. Одинъ изъ его рассказовъ настолько мнѣ понравился, что я его тогда же записалъ почти дословно. Рассказъ этотъ можно назвать „повѣствованіемъ о безстрашномъ дворянинѣ“. Содержаніе его таково:

Жилъ около насъ по-сосѣдству, рассказывалъ сторожъ, дворянинъ-помѣщикъ, который ничего не боялся. Пробовали его стращать всячески, но такъ и не удавалось запугать. Жилъ неподалеку на хуторѣ нѣкоторый человѣкъ и жилъ будто какъ и всѣ, даже жену имѣлъ, и племянники при немъ находились. Значился онъ крестьяниномъ, и хуторъ онъ арендовалъ у того помѣщика; но былъ онъ на самомъ дѣлѣ, какъ всѣмъ намъ доподлинно было извѣстно, колдунъ и много зла дѣлалъ, — порчу напускалъ на людей, на скотину болѣзни и моръ, даже погоду мѣнялъ. И вотъ померъ этотъ колдунъ и всѣ изъ его семьи и которые были хуторскіе жители разбѣжались; на ночь никто при колдунѣ не рѣшался остаться. Узналъ о томъ дворянинъ и объявилъ, что пойдетъ ночевать на хуторъ къ умершему колдуну. Сказалъ и сдѣлалъ: захватилъ съ

собою бутылку водки, свѣчку и книжку и усѣлся читать въ горницѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ полночь колдунъ сталъ подниматься изъ гроба, но тутъ дворянинъ громовымъ голосомъ какъ закричить на него: „Ахъ ты с... с... Куда? Народъ пугать? Я те покажу, какъ подниматься. На мѣсто с... с...!“ ...И колдунъ тотчасъ же улегся и ужъ больше въ эту ночь не вставалъ. Ночевалъ тоже тотъ дворянинъ на нашемъ кладбищѣ. А тамъ съ чего-то за послѣднее время покойники стали вылѣзать изъ могилъ и бродить по погосту. Какъ увидалъ это дворянинъ, открылъ онъ по покойникамъ пальбу изъ пистолета, взятаго съ собой, да съ добавленіемъ такихъ крѣпкихъ словъ, что покойники сразу попрятались по своимъ мѣстамъ и ужъ болѣе не показывались. Ему тогда отъ всей округи благодарность была и угощеніе, и въ столицѣ пропечатано было, а звали его Иванъ Иванычъ. Но съ тѣхъ поръ не было ему другого прозвища, какъ „безстрашный дворянинъ“.

Однажды пришелъ къ Ивану Иванычу мужичекъ и доложилъ, что въ засѣкѣ объявилась большая шайка людоѣдовъ и что они уже многихъ людей извели. Безстрашный дворянинъ, не задумываясь долго, велѣлъ кучеру своему Кузьмѣ заложить бѣговья дрожки, надѣлъ новый кафтанъ, перетянулся потуже кушакомъ, взялъ охотничій ножъ, повѣсилъ себѣ черезъ плечо, какъ оно полагается порядочному дворянину, фляжку съ водкой и вмѣстѣ съ кучеромъ поѣхалъ въ засѣку. Отъѣхавъ по лѣсу нѣсколько верстъ, видятъ они, лежитъ зарѣзанный человѣкъ, совсѣмъ голый, поперекъ дороги. Иванъ Иванычъ зналъ хорошо и понималъ, что и къ чему и когда требуется, а потому сразу велѣлъ Кузьмѣ подобрать покойника и положить на дрожки. Такимъ манеромъ ѣдучи, они подобрали еще двоихъ покойниковъ, лежавшихъ поперекъ дороги голыми. Наконецъ, вѣхали они на полянку, а тутъ ви-

дять стоитъ изба, вродѣ какъ сторожка, только мохомъ крытая, а вокругъ нея валяются, — прости Господи, — людскіе черепа, ладыжки и другія кости. Слѣзъ дворянинъ съ дрожекъ и сейчасъ въ избу. А въ ней духъ тяжелый, несносный и на скамьяхъ сидятъ людоеды страшенные: косматые, лохматые, бородатые, нечесанные, немытые. Уставились глазами на дворянина, а сами молчатъ. Дворянинъ сразу-то чуть заробѣлъ и говоритъ этакъ, будто къ знакомымъ: „здорово ребята!“ Молчатъ людоеды, только что другъ друга подталкиваютъ. Но тутъ дворянинъ ужъ подбодрился, — не таковскій онъ былъ, — сѣлъ за столъ, снялъ съ себя флягу, сколько было ему потребно выпилъ, и кричитъ въ окно: „Кузьма! Тащи ко мнѣ на закуску осетрину, что мы дорогой подобрали!“ Кузьма внесъ перваго покойника и положилъ его передъ дворяниномъ на столъ, а у покойника голова свѣсилась и руки болтаются. Дворянинъ вынулъ свой ножъ, отрѣзалъ отъ покойника кусокъ, попробовалъ, выплюнулъ и кричитъ Кузьмѣ: „Нѣтъ, этотъ не годится, не свѣжъ. Давай второго!“ Кузьма принесъ второго, но и этотъ не понравился дворянину и онъ спросилъ третьяго. А людоеды жмутся и шепчутъ промежъ себя: „Экъ его! Мы-то хоть варимъ, а этотъ прямо сырыхъ жреть!“ „Нѣтъ, закричалъ дворянинъ, и третій не годится. А ты вотъ что, Кузьма, поймай-ка мнѣ свѣженькаго!“ Людоеды всѣ зажались, еле дышатъ. Кузьма вышелъ впередъ, выставилъ ногу, засучилъ рукава, вытянулъ руки и спрашиваетъ! „Какого прикажете, Ваше Благородіе?“ „А какого поймашь“, спокойно отвѣтилъ дворянинъ. Тутъ всѣ людоеды какъ прыснуть! Кто туда, кто сюда, этотъ въ дверь, тотъ въ окно: всѣ разбѣжались, — только ихъ и видѣли. А Иванъ Ивановичъ забралъ людоедскую шкатулку, а въ ней были большія деньги, и вернулся, какъ ни въ чемъ не бывало, домой. Такъ на

вѣкъ за нимъ и осталось прозвище — безстрашный дворянинъ.

Въ студенческіе годы я лѣтніе мѣсяцы, тотчасъ же послѣ экзаменовъ, проводилъ въ Спасскомъ, выѣзжая оттуда лишь на охоту, да къ кому-либо изъ немногочисленныхъ нашихъ сосѣдей. Жилось тогда хорошо, пожалуй такъ же радостно, какъ въ дѣтствѣ. Рѣка, озера, болота, луга и лѣсъ давали намъ все, чѣмъ ихъ щедро надѣлила природа, а окружающіе люди лишь помогали всѣмъ этимъ пользоваться. Но одно лѣто, впрочемъ, не полностью, а лишь въ части, прошло достаточно тяжело; это было въ холерный годъ. Старшіе въ домѣ помнили еще „холеру-морбусъ“, свирѣпствовавшую въ началѣ пятидесятихъ годовъ, и рассказы ихъ объ этой болѣзни, несомнѣнно преувеличенные, волновали все населеніе Спасскаго, грамотная часть котораго слѣдила за движеніемъ холеры въ Россіи по газетамъ. Болѣзнь двигалась прямо на насъ и это побуждало готовиться къ борьбѣ съ ней; мы выписали изъ Москвы студента-медика V курса, запаслись противохолерной провизіей въ видѣ Иноземцевскихъ капель и множества другихъ лѣкарствъ въ жидкомъ видѣ и въ порошкахъ, рекомендованныхъ Медицинскимъ Департаментомъ, и ждали. Бесѣды наши невольно часто велись на холерныя темы и мы тщетно старались выяснить для себя степень заразительности этой болѣзни и способъ ея распространенія по воздуху, водѣ или непосредственной передачей отъ человѣка къ человѣку. Наконецъ, эпидемія вторглась въ нашу округу и принялась за свое дѣло энергично и безпощадно. Двигалась эпидемія быстро: только что до насъ дошла вѣсть, что въ селѣ, отстоящемъ отъ Спасскаго верстахъ въ 30, было нѣсколько случаевъ смерти отъ холеры, какъ уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ и въ самомъ Спасскомъ начались заболѣванія. Первые же случаи были прямо молніеносные: нашъ поварь, кото-

рому, совершенно здоровому, вечеромъ хозяйка заказывала обѣдъ, ночью, еще до разсвѣта, скончался въ жестокихъ судорогахъ; въ нѣсколько часовъ умеръ нашъ охотникъ Матвѣй, сильно выпившій съ вечера, и умеръ пьяный, не приходя въ сознаніе; еще быстрее скончался діаконъ Спасской церкви, человѣкъ тоже сильно злоупотреблявшій виномъ. Съ села ежедневно доходили вѣсти о новыхъ заболѣваніяхъ и смерти кого-либо изъ крестьянъ. Населеніе лежащаго верстахъ въ трехъ отъ Спасскаго сельца чуть не поголовно вымерло въ недѣлю. Нашъ лѣсной сторожъ, старикъ, жившій въ бору въ совершенномъ уединеніи, такъ какъ онъ, имѣя запасъ пшена, соли и сухого хлѣба недѣли на двѣ, не выходилъ изъ лѣса, былъ найденъ мертвымъ по дорогѣ изъ лѣса на усадьбу; почувствовавъ себя плохо, онъ рѣшился пойти къ намъ, но дорогой, очевидно, припадки болѣзни усилились, онъ ослабѣлъ, свалился и тутъ же скончался.

И въ нашей семьѣ не обошлось безъ тяжелой потери дорогого намъ человѣка; прямо-таки страшно было жить. Хотѣлось бѣжать изъ зачумленной мѣстности подальше, на сѣверъ, гдѣ въ то время не было холеры, за границу; но всѣмъ уѣхать было нельзя, а тѣмъ, кто былъ свободенъ, казалось слишкомъ тяжелымъ покинуть остальныхъ въ такой бѣдѣ, и вся наша Спасская колонія все холерное время провела на мѣстѣ, не разставаясь. Врачебная помощь населенію въ сущности вовсе не оказывалась правительственными и общественными агентами. Къ этому и не было возможности: земство тогда только что было введено, еще не организовалось и не въ силахъ было что-либо предпринять. На всю нашу большую округу былъ на лицо одинъ земскій врачъ, жившій въ селѣ при маленькой больничкѣ на четыре койки. Ни правительственныхъ, ни частныхъ врачей въ уѣздѣ не было, и не откуда было ихъ пригласить, тѣмъ болѣе, что холера свирѣпствовала и въ

городахъ и всѣ тамошніе врачи были завалены работой. Приглашенный нами студентъ-медикъ, прекраснѣйшій юноша, работалъ, возясь съ заболѣвающими въ Спасскомъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ, не покладая рукъ, и даже самъ перенесъ легкій припадокъ холеры, но, разумѣется, его не могло хватить даже для одного. Спасскаго. На помощь ему, а также земскому врачу, явились добровольцы-санитары; взяли на себя эти обязанности нѣсколько молодыхъ людей изъ нашего общества. Имъ приходилось „лѣчить“ самостоятельно, обращаться за совѣтомъ къ доктору не было возможности. И вотъ они, устроивъ походную ящикъ-аптечку, въ которой находились всѣ извѣстныя въ то время лѣкарственные средства (въ томъ числѣ горчичники, перцовка для растиранія и т. п.), разъѣзжали днемъ, а нерѣдко и ночью, на бѣговыхъ дрожжахъ по Спасскому и по сосѣдству, давали лѣкарства заболѣвшимъ, сами растирали ихъ и обучали семейныхъ, устанавливали режимъ для выздоравливающихъ и многимъ, думается, помогли. Особенно энергично работали упоминавшійся уже мною Василій Павловичъ Прокунинъ и Николай Александровичъ Бухманъ. Но нерѣдко имъ приходилось встрѣчаться съ недовѣріемъ семьи заболѣвшаго къ рекомендуемымъ средствамъ и особенно часто бывали случаи нарушенія діеты, вызывавшія при начавшемся улучшеніи, рецидивъ, всегда кончавшійся смертью. Больному, вопреки запрета, давали выпить холодной браги или квасу, не отказывали въ огурцѣ, дѣтей снабжали зелеными яблоками и т. п. Но случаевъ озлобленнаго недовѣрія сельскаго населенія, страха предъ лѣкарствами самозванныхъ докторовъ у насъ совсѣмъ не было. Случались и комическіе эпизоды: такъ, жена заболѣвшаго мельника поставила ему горчичникъ, не какъ было указано на животъ, а на затылокъ, — и мельникъ быстро поправился; кто-то изъ больныхъ съ такимъ же благимъ результатомъ вы-

пилъ всю перцовку, данную ему для растиранія тѣла и т. п.

Помню изъ той же эпохи одно лѣто, долго мучившее насъ страшнымъ зноемъ и жестокой засухой. Въ восточной полосѣ Россіи приволжскаго бассейна, гдѣ расположено Спасское, сухое лѣто не рѣдкое явленіе, но наступившіе въ этомъ году зной и сушь были явленіемъ выдающимся. Въ теченіе, кажется, двухъ мѣсяцевъ не выпало ни капли дождя; ни одной тучки или даже облачка не показывалось на небѣ; оно стало сѣровато-грязнымъ, голубой цвѣтъ и прозрачность его утратились; съ полдня весь небосклонъ затягивался сѣрой одноцвѣтной пеленой, сквозь которую лучи солнца едва проникали, а освѣщеніе становилось зловѣщимъ, съ красноватымъ огненнымъ оттѣнкомъ, какъ бы въ преддверіи ада. Пелена, замѣтная въ воздухѣ и вблизи, не спасала отъ жары; напротивъ, отъ нея казалось еще душнѣе и дышалось тяжелѣе. Дали какъ будто и не бывало, весь горизонтъ былъ закутанъ густой бѣловатой мглой и въ воздухѣ пахло гарью. Гдѣ-то далеко горѣли лѣса, да и въ ближайшей мѣстности надъ лѣсомъ, тянувшимся вдоль Цны верстъ на сто, поднимались кое-гдѣ черные клубы дыма, узкіе въ основаніи, расширявшіеся къ верху и разстилавшіеся надалеко по вѣтру. Горѣли тоже поблизости торфяныя болота, давая бѣлый дымъ и распространяя кругомъ специфическій удушливый запахъ свой; нѣсколько разъ загоралось жнивье и даже рожь на корню отъ огня, зароненнаго крестьянами, убиравшими хлѣбъ и разводившими для варки обѣда костеръ. Пожары въ деревняхъ стали явленіемъ обычнымъ; выгорали цѣлыя села, и что ни ночь, то гдѣ-либо свѣтилось зарево дальняго или близкаго пожара и почти ежедневно раздавались тревожные звуки набата. Тяжелое было время.

Уже въ іюлѣ листва на кустарникахъ совершенно

посохла, да и деревья опускали и роняли поблекшіе и пожелтѣвшіе листья; „яровые“ погибали, трава выгорѣла, такъ что скотъ голодалъ и находилъ кое-какой кормъ только въ болотахъ и низинахъ, гдѣ въ обычную пору пройти нельзя отъ воды; скотъ болѣлъ „ящуромъ“ и кое-гдѣ начался падежъ.

Пыль стала общимъ бичемъ; не только по большой дорогѣ, но и проселками она лежала въ колеяхъ сплошнымъ пухлымъ слоемъ; всякая телѣга, даже пѣшеходъ, поднимали ее въ воздухъ, гдѣ она надолго оставалась, не падая на землю; бывало, когда поѣдешь куда-либо, то по всѣмъ направленіямъ видишь столбы пыли, двигавшіеся какъ смерчи по воздуху и безошибочно указывавшіе, гдѣ пролегаютъ дороги; а въ селахъ свѣта Божьяго не было видно отъ нея, особливо вечерами, когда возвращаются съ выпаса стада; объ эту пору на улицѣ въ двухъ шагахъ ничего разглядѣть нельзя было и густая пыль надолго, какъ туча, нависала надъ селомъ. Земля растрескалась и такъ загрубѣла, что пахота стала невозможной. Въ рѣкахъ и озерахъ вода сильно убыла, ручьи и болотца совсѣмъ пересохли, „угорѣли“, даже въ колодцахъ вода пропадала.

Помню, что, благодаря такой жуткой обстановкѣ, въ народѣ пошли разнообразные, значительно фантастическіе и волнующіе слухи и рассказы. Говорили, что „морозная язва“ и „черная смерть“ идутъ и даже называли село, гдѣ будто ежедневно въ церковь вносятся по девяти покойниковъ, но хоронятъ ихъ, по приказанію начальства, ночью, крадучись, и на особомъ кладбищѣ. Шелъ говоръ о томъ, что наступаетъ конецъ свѣта; гдѣ-то въ Саратовской губерніи видѣли даже самого антихриста — врага рода человѣческаго, какъ онъ, собиравшійся было на небѣ дождевую тучку, отмахнулъ платкомъ; это замѣтилъ бывшій на охотѣ помѣщикъ и выстрѣлилъ въ злодѣя изъ ружья чуть не въ упоръ, но тотъ только засмѣялся, погрозилъ помѣ-

щичу и исчезъ, а охотникъ тутъ же упалъ мертвый, сразу почернѣвъ. Говорилось, что „мга“ все будетъ усиливаться и мы въ ней, наконецъ, задохнемся; „странніи люди“ пугали всячески бабъ, совѣтуя поститься и готовиться къ смерти; „пожарныя“ бабы съ ребятишками бродили во множествѣ по деревнямъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, собирая „на погорѣлое“, и разстраивая народъ рассказами о томъ, какъ въ полчаса выгорѣло цѣлое село и какъ сами онѣ выскочили изъ пылавшей избы въ чемъ были, едва успѣвъ вытащить дѣтей, а все „доброе“ ихъ сгорѣло. И у насъ всѣхъ, наконецъ, въ душу невольно проникали тоска и робость предъ чѣмъ-то непостижимымъ, но неотвратимымъ, совершавшимся въ природѣ; мы переживали словно новую Египетскую казнь, и намъ казалось, что такъ оно всегда и будетъ и мы навѣки останемся въ этой тяготѣ.

Съ утра уже становилось томительно жарко и къ двѣнадцати часамъ наступала такая духота, что, не дѣлая никакого движенія, мы все-таки совершенно раскисали, слабѣли и чувствовали себя прямо больными. Приходилось удивляться выносливости крестьянъ, справлявшихся все-таки съ тяжелыми полевыми работами. Наступавшій вечеръ не приносилъ достаточнаго облегченія, и солнце, садясь все красное, жгло косыми лучами, казалось, еще сильнѣе; даже ночь давала сравнительно мало прохлады и спать въ комнатахъ было отъ духоты трудно.

И наши и сосѣдніе крестьяне, да и помѣщики, молебствовали о дождѣ и нерѣдко приходилось видѣть какъ въ полѣ, межами, медленно двигалась, поднимая неизбежную пыль, сѣрая кучка народа безъ шапокъ, и надъ ней въ воздухѣ колебались хоругви, а впереди шли бабы въ бѣлыхъ платкахъ на головахъ и, несмотря на жару, въ кафтаныхъ, несшія большой деревянный крестъ и образа съ придѣланными къ нимъ внизу дер-

жалками, а за ними двигались въ старыхъ полинявшихъ ризахъ священникъ съ сіявшимъ крестомъ и діаконъ.

Какъ ни было весело и энергично наше молодое общество, но въ это лѣто мы очень присмирѣли и бѣльшею частью сидѣли дома, гдѣ было всетаки прохладнѣе и купались по нѣскольку разъ на дню; оживали мы какъ слѣдуетъ лишь съ наступленіемъ темноты и тутъ, бывало, цѣлыя ночи напролетъ просиживали въ саду на берегу Челновой, компаніей и въ одиночку. Охотиться было невозможно, да и дичи въ болотахъ не было и мы даже къ сосѣдямъ не показывались. И все это томленіе и уныніе окончилось, помню, въ концѣ іюля сразу, въ одинъ мигъ, словно волшебствомъ. Совершила эту перемѣну и спасла насъ отъ долгаго мученія гроза. Какъ-то ко времени захода солнца, на западѣ, вдоль горизонта, обозначилась болѣе темная полоса. Мы поняли, что это собралась наконецъ, первая за два мѣсяца, тучка. Дѣйствительно къ слѣдующему утру все небо затянулось свѣтло-сѣрыми облаками и настала еще бѣльшая, совсѣмъ безвѣтренная, духота; но къ полудню показалась быстро надвигавшаяся черная туча, по мѣрѣ приближенія разроставшаяся и расползавшаяся по небу съ клубившейся впереди ея бѣлой каймой, и наконецъ надъ Спасскомъ разразилась давно жданная величественная гроза. Она шла сперва съ глухимъ шумомъ, по мѣрѣ приближенія усиливавшимся и скоро превратившимся въ могучіе удары и раскаты грома, а передъ ней пронесся сильнѣйшій вихрь, поднявшій въ одинъ мигъ въ воздухъ всю пыль, унесшій куда то съ собой валявшіеся на землѣ сухіе листья и ворвавшійся въ домъ, гдѣ онъ захлопалъ дверями, разбилъ стекло въ незапертой оконной рамѣ, сорвалъ деревянные „жалузи“, раскидалъ лежавшія въ кабинетѣ на столѣ бумаги, а въ саду въ одинъ мигъ выворотилъ съ корнемъ и поломалъ нѣсколько деревьевъ. Послѣ этого натиска вѣтра въ наступившей на мгновеніе полной тишинѣ

раздался сразу такой сильный, падавшій съ верху, треснувшій безъ раскатовъ, ударъ грома, что, казалось, что-то рухнуло въ самомъ домѣ, зазвенѣли стекла въ окнахъ и Домаша-горничная дѣвочка, несшая въ это время по корридору подносъ съ чайнымъ приборомъ, выронила его съ испуга и, какъ ошалѣлая, убѣжала въ дѣвичью, гдѣ забралась на постель подъ одѣяло. Видно было, какъ на темномъ фонѣ тучи ослѣпительно бѣлая молнія безъ зигзаговъ, прямою стрѣлой, ударила внизъ, совсѣмъ рядомъ съ нами. Прорвался наконецъ ливень, да такой, что въ одинъ мигъ на дворѣ и на дорожкахъ сада появились ручьи и лужи со вскакивавшими и лопавшимися тутъ же пузырями и подъ веселый шумъ котораго такъ и хотѣлось крикнуть: „Такъ его! Наддай еще малость!“

Этой сильнѣйшей грозой, въ концѣ концовъ надѣлавшей тоже бѣдъ, такъ какъ ея сопровождалъ мѣстами градъ, ударомъ молніи были убиты пастухъ съ подпаскомъ, укрывшіеся подъ деревомъ, да прорвало плотины чуть ли не на всѣхъ, расположенныхъ по Челновой, мельницахъ, окончилось наше Вавилонское плѣненіе, какъ мы прозвали описанную, не повторявшуюся потомъ жару, и спасская жизнь вошла въ свою обычную колею.

Въ юношескихъ годахъ отъѣздъ изъ деревни въ Москву осенью не представлялся уже столь огорчительнымъ какъ въ дѣтствѣ; привлекала Москва, только что открывшаяся тогда желѣзная дорога, доходившая отъ Москвы сперва лишь до Коломны, а потомъ до Рязани, Козлова и наконецъ Моршанска. Это значительно сокращало ктому же путь, а сперва веселило какъ новинка. Приходилось выѣзжать изъ Спасскаго съ такимъ расчетомъ, чтобы попасть, напримѣръ въ Рязань, къ отходу поѣзда на Москву, что было не такъ легко сдѣлать въ виду разстоянія въ двѣсти слишкомъ верстъ и возможности дорожныхъ приключеній въ видѣ по-

ломки экипажа, отсутствія на станціяхъ лошадей и тому подобнаго. Но зато особенно весело было подъѣзжать къ новенькому желѣзнодорожному зданію съ увѣренностью, что опозданія нѣтъ и слышать ликующіе звуки паровозныхъ свистковъ. На станціи можно было вымыться, даже переодѣться, какъ слѣдуетъ пообѣдать... Все это, а потомъ и самая ѣзда въ вагонѣ, безъ толчковъ, въ покойномъ положеніи, безъ пыли, заботъ о лошадяхъ, казалось послѣ прежней тяжелой ѣзды, нерѣдко въ почтовой телѣжкѣ, на перекладныхъ съ покрикиваніями на задремавшаго вмѣстѣ съ лошадьми ямщика—пошелъ“!—чѣмъ то волшебнымъ, высшимъ комфортомъ, хотя первые вагоны были далеко неудобны и не всѣ зимой даже отапливались. Добравшись до начала желѣзной дороги (Коломна, Рязань) въ своемъ экипажѣ, мы его сдавали на храненіе на какомъ либо постояломъ дворѣ и забирали его вновь на обратномъ пути въ деревню, иной разъ по истеченіи цѣлой зимы. Ыздили мы, молодежь, если не на перекладныхъ, то въ тарантасахъ, экипажахъ, уже рѣдкихъ теперь въ Европейской Россіи, или реформировавшихся въ полурессорную коляску. Прежняго фасона тарантасовъ теперь нигдѣ ужъ не встрѣтишь; а тогда славились Тамбовскіе тарантасы (мастера Оводова) съ сидѣніемъ, и Казанскіе безъ сидѣнья, замѣнявшагося периной и подушками, на которыхъ путники дорогой возлежали какъ въ кибиткѣ. Тарантасы бывали не только двумѣстные, но и четверомѣстные, которые на подобіе ландо можно было совсѣмъ закрыть и застегнуть кожей въ ненастное время, при чемъ внутри тарантаса становилось темно, такъ какъ въ боковыхъ кожаныхъ стѣнкахъ имѣлись лишь совсѣмъ маленькія окошечки. Иные тарантасы бывали довольно покойны, другіе напротивъ невыносимо тряски, но всѣ,—надо имъ отдать справедливость,—крѣпки и стойки и очень укладисты. Прежній дорожный тарантасъ (я не говорю про Си-

бирь) вымеръ, онъ экипажъ прошлаго; но память о немъ сохранится, онъ достойно воспѣтъ графомъ Владиміромъ Андреевичемъ Соллогубомъ въ его знаменитомъ разсказѣ, озаглавленномъ „Тарантасъ“, изданнымъ съ соотвѣтственными рисунками.

Приѣхавъ въ Москву для поступленія въ Университетъ въ 1865 году еще въ августѣ, я не остался въ городѣ; одинъ изъ старшихъ братьевъ вывезъ меня въ рядъ подмосковныхъ усадебъ, принадлежавшихъ родственникамъ, расположенныхъ въ Подольскомъ уѣздѣ въ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Начали мы съ Пеливанова, оттуда перебрались въ Троицкое, прежнюю резиденцію главы дома князей Оболенскихъ Андрея Петровича, тогда уже покойнаго, доставшееся его старшему сыну, гдѣ въ то время кромѣ его личной семьи, жила многочисленная семья сестры Андрея Петровича Н. А. Озеровой, а оттуда мы уже въ довольно большой, хотя и родственной, компаніи, дѣлали наѣзды въ Акулинино къ Княжнѣ Аграфенѣ Александровнѣ Оболенской и Евреиновымъ, въ Меньшово къ Лопухинымъ, кажется еще въ Воробьево, Крекшино. Тогда всѣ поименованныя мной усадьбы были полны молодежью, нѣсколько постарше меня, изъ которой теперь мало кто остался въ живыхъ, но которые тогда веселились во-всю.

Въ тѣ годы родственныя связи были (крѣпче теперешнихъ и младшее поколѣніе обязательно являлось на поклонъ къ старшимъ родственникамъ. Помню, что въ большіе праздники обязательно было являться съ поздравленіемъ не только къ дѣдушкѣ (*grand oncle*) князю Сергѣю Петровичу Оболенскому, но и ко всѣмъ роднымъ и двоюроднымъ дядямъ и теткамъ, а ихъ имѣлось у меня именно въ Москвѣ очень много (припоминаю двѣнадцать безусловно обязательныхъ родственныхъ визитовъ) и, бывало, жестоко прозябнешь въ Рождество и Новый годъ, дѣлая визиты, да еще по тогда-

шней модѣ въ „цилиндрѣ“ (студенческая форма не существовала въ шестидесятыхъ годахъ.)

За время пребыванія въ Университетѣ я, принимая участіе во всѣхъ, кажется, существовавшихъ тогда студенческихъ кружкахъ, работая и занимаясь не по однимъ лекціямъ, успѣвалъ однако, вѣроятно благодаря накопленному въ отроческіе годы въ деревнѣ здоровью, бывать и въ театральныхъ и музыкальныхъ кругахъ и принимать участіе въ легкомысленной жизни товарищей и Москвичей старше меня. За эти годы я ознакомился со всей тогдашней Москвой, совершенно не похожей на теперешнюю. Всего менѣе я вращался въ „большомъ свѣтѣ“ и, побывавъ на двухъ-трехъ большихъ балахъ, нашелъ ихъ скучными и отказался отъ такого рода увеселеній. Товарищескія собранія и серьезныя, и легкомысленныя, на которыхъ мы, бывало, спорили цѣлыя ночи напролетъ, театральнѣйшій міръ, общество артистовъ были мнѣ ближе и, внѣ научныхъ занятій, я жилъ и „былъ дома“ именно въ этомъ кругу, посѣщая впрочемъ и другіе слои московскаго общества.

Очень интересны были спѣвки хора музыкальнаго общества, состоявшаго исключительно изъ любителей, благодаря тому, что имъ управлялъ всегда самъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ. Возни ему съ нами-любителями было много, такъ какъ онъ добивался и въ концѣ концовъ достигалъ отчетливаго исполненія разучиваемыхъ пьесъ, которыя онъ самъ выбиралъ. Иные пассажи онъ заставлялъ повторять чуть ли не по десяти разъ подрядъ, то всѣмъ вмѣстѣ, то отдѣльно по голосамъ, т. е. однихъ теноровъ, дискантовъ и такъ далѣе. Наконецъ если дѣло рѣшительно не шло впередъ, то Рубинштейнъ, сломавъ одну, а то и двѣ дирижерскія палочки и накричавъ на насъ во всю, выбиралъ отдѣльныхъ лицъ изъ хора и заставлялъ ихъ пропѣть свою партію solo, что повергало въ совершенный ужасъ

избраннаго, особенно если это было лицо женскаго пола, всѣ представительницы котораго безмѣрно боялись, но въ той же степени и обожали, Николая Григорьевича. Впрочемъ его боялись не только дамы и тенора, но даже басы, люди какъ извѣстно солидные. Разъ,—это было уже не на репетиціи, а на публичномъ исполнительномъ собраніи,—я жестоко провинился: я ошибся въ счетѣ и на цѣлый тактъ раньше, чѣмъ слѣдовало вступать басамъ, ктому же на *forte* и высокомъ „До“, рывкнулъ одинъ. Къ счастью Рубинштейнъ (я его тоже боялся хотя былъ съ нимъ на „ты“, по старой памяти; онъ дружилъ со старшими братьями и въ моемъ дѣтствѣ часто бывалъ у насъ) смотрѣлъ въ другую сторону, и я, замѣтивъ свою ошибку, немедленно присѣлъ, коллеги не выдали меня и Рубинштейнъ такъ и не узналъ кто именно провинился. На спѣвкахъ хору аккомпанировалъ на рояли Лангеръ, въ противоположность горячему темпераменту Рубинштейна, всегда невозмутимый и терпѣливый. Изъ участницъ хора припоминаю уже не молодую даму Голынскую, которой старикъ В. А. Соллогубъ посвятилъ одно четверостишіе, княжну Мещерскую, барышень Фэ и Ленгольдъ, а изъ мужчинъ стараго Москвича Пестова, недавно скончавшагося, долгіе годы состоявшаго членомъ Московскаго Окружнаго Суда.

Въ качествѣ члена-исполнителя музыкальнаго общества мнѣ пришлось разъ пѣть на сценѣ Большого театра, къ благополучію публики не *solo*, ибо голосъ у меня былъ, при порядочной общей музыкальности, очень неважный. Произошло это слѣдующимъ образомъ: въ Москву пріѣхалъ, кажется это было въ 1866 г., извѣстный композиторъ Фелисіенъ Давидъ, имѣя въ виду ознакомить москвичей съ своими произведеніями: ораторіями „Пустыня“ и „Колумбъ“. Въ обѣихъ пьесахъ принималъ выдающееся участіе хоръ. Считая хоръ русской оперы недостаточнымъ, Ф. Давидъ попросилъ

Рубинштейна уступить ему хоръ музыкальнаго общества. Въ силу любительскаго состава хора это было невозможно, но Рубинштейнъ на одной изъ спѣвокъ предложилъ желающимъ принять участіе въ устраиваемыхъ Ф. Давидомъ концертахъ. Нѣсколько лицъ, а въ томъ числѣ и я, согласились и на слѣдующій же день явились на первую спѣвку въ репетиціонный залъ Большаго театра. Кромѣ насъ—любителей и театральнаго хора были на лицо приглашенные Давидомъ пѣвчіе. Намъ роздали ноты и началась спѣвка; исполненіе сразу привело композитора, сперва въ недоумѣніе, а вскорѣ въ состояніе близкое бѣшенству. вмѣсто стройной звучности получалась невѣроятнѣйшая путаница и гадость. Давидъ—небольшого роста старичекъ, очень оживленный и сильно жестикулировавшій, прыгалъ, отбивалъ руками и ногами тактъ, самъ пѣлъ съ нами, останавливалъ насъ, бѣгалъ по залу, кричалъ и, наконецъ, въ отчаяніи свалился на скамейку и остановилъ пѣніе. Тутъ кажется оперный хомейстеръ сообщилъ ему, что весь вредъ происходитъ отъ пѣвчихъ, которые зная основательно свои „крючки“, надлежаще по нотамъ читать не могутъ. Попробовали устранить пѣвчихъ, дѣло сразу наладилось и ихъ отпустили совсѣмъ. Исполненіе „Колумба“ въ Большомъ театрѣ сопровождалось живыми картинами, изображавшими различныя перипетіи открытія Америки, а исполняя „Пустыню“ хоръ выступалъ въ длинныхъ восточныхъ одѣянiяхъ съ дорожными посохами въ рукахъ. Репетиціи на сценѣ и самое исполненіе ораторій Давида, помню, были намъ, хористамъ-любителямъ, очень по душѣ.

Пѣтъ въ тѣ годы мнѣ приходилось много; между товарищами-студентами составилъ церковный хоръ, въ который я тоже вступилъ. Обучалъ насъ, а и иногда велъ нашу капеллу при богослуженіяхъ, помощникъ регента Синодальнаго хора, а при его отсутствіи управлялъ нами нашъ товарищъ князь Александръ Дмитріевичъ Оболенскій

(нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), обладавшій небольшимъ теноромъ, но превосходнымъ слухомъ и отличнымъ знаніемъ интерваловъ вообще, а церковнаго пѣнія въ особенности. Спѣвались мы всегда у него, а пѣли за обѣдной обычно „у Антипія“, въ маленькой церкви у существовавшего еще тогда „Колымажнаго двора“, на мѣстѣ котораго воздвигнутъ теперь Музей Александра III. Пѣли мы еще иногда въ церкви, что на Остоженкѣ, почти противъ Коммерческой Академіи и на всенощныхъ въ знакомыхъ частныхъ домахъ.

Но въ гораздо большей степени чѣмъ въ публичномъ пѣніи мнѣ приходилось тогда участвовать въ любительскихъ спектакляхъ и устраивать ихъ. Среди товарищей-студентовъ я выдѣлялся нѣкоторой опытностью въ театральномъ дѣлѣ, такъ какъ много „игралъ“ дома и былъ достаточно знакомъ съ драматической литературой. Поэтому меня призывали на помощь какъ только гдѣ-либо между знакомыми затѣвался спектакль. Мнѣ между прочимъ приходилось играть на спектакляхъ, дававшихся кружкомъ любителей въ помѣщеніи гимнастическаго заведенія Пуаре на Петровкѣ, гдѣ было много дѣйствительно талантливыхъ и опытныхъ актеровъ и актрисъ любителей, а въ томъ числѣ двѣ барышни Пуаре—Александра и Евгенія Яковлевны, ихъ братъ Виталій, Макшеевъ, К. С. Шиловскій (оба поступили потомъ на сцену Малаго театра), Запольскій, Урусовъ, Борисовскій и другіе.

Въ этой же труппѣ выступалъ тогда очень популярный въ то время Московскій Мировой Судья М. М. Багриновскій, —человѣкъ талантливый, умѣвшій соединять во время публичнаго разбирательства судебныхъ дѣлъ безобидный юморъ, привлекавшій въ его камеру много публики, съ серьезнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, хотя бы и мелкому. У Багриновскаго, по субботамъ, вечерами собиралось довольно многолюдное молодое общество, состоявшее изъ лицъ, близкихъ

къ драматическому искусству или музыкѣ; эти вечера, при совершенной простотѣ обстановки и взаимныхъ отношеній проходили очень оживленно и весело. Тутъ декламировали, читали, пѣли и нерѣдко превосходно, ибо Багриновскихъ посѣщали настоящіе артисты и ученики молодой Консерваторіи, играли на разныхъ инструментахъ и танцевали. Каждую субботу подавался, пользовавшійся извѣстностью, приготавливавшійся самой хозяйкою, глинтвейнъ.

Кажется осенью 1866 года мнѣ вмѣстѣ съ бывшимъ тогда на II курсѣ медицинскаго факультета А. Б. Фохтомъ (нынѣ извѣстнымъ профессоромъ) пришлось участвовать въ спектаклѣ, устроенномъ Подольскимъ любительскимъ кружкомъ, къ которому принадлежали общіе наши друзья, въ Ивановскомъ, лежащемъ подъ самымъ Подольскомъ великолѣпномъ, тогда пустовавшемъ, имѣніи, нѣкогда принадлежавшемъ графу Закревскому. Вспоминаю, что въ числѣ нѣсколькихъ пьесъ, которыя шли тогда, исполнялся водевиль „Простушка и воспитанная“, въ которомъ я и Фохтъ „гастролировали“, играя впрочемъ и въ другихъ пьесахъ этого спектакля, причемъ Фохтъ звонко высокимъ теноромъ распѣвалъ куплеты и пѣсни, вставленные въ водевиль, и пѣлъ и игралъ отлично. Публики на спектаклѣ было много, а въ томъ числѣ большое количество нашихъ университетскихъ товарищей, специально пріѣхавшихъ изъ Москвы смотрѣть на насъ. Мы, конечно, заслужили у нихъ блестящій успѣхъ, а послѣ спектакля, такъ какъ надо было ждать поѣзда желѣзной дороги до утра, устроились въ одной изъ многочисленныхъ пустыхъ комнатъ громаднаго барскаго дома-дворца, и тамъ, раскупоривъ привезенную съ собой винную провизію, при содѣйствіи тамошняго слѣдователя Богаевского, варили и пили жженку, пѣли, отчаянно веселились, чѣмъ кажется очень надоѣли милой и любезно къ намъ относившейся супругѣ Богаевского, и нако-

нецъ, уже по восходѣ солнца, пѣшкомъ, шествуя съ пѣніемъ, добрались до недалекой, сравнительно, станціи желѣзной дороги при чемъ крайне удивляли видомъ своимъ встрѣчныхъ аборигеновъ, которыхъ мы неизмѣнно спрашивали: „Не знаете ли вы случайно гдѣ здѣсь Подольскъ“? Пѣли мы за жженкой кромѣ обычныхъ русскихъ пѣсенъ бывшія тогда въ ходу студенческія, сочиненныя еще до насъ, а именно: „Пора огонь небесный товарищи гасить“, „Наша жизнь коротка“, „Четыре года я гуляю въ фуражкѣ мятой, но лихой“, „Настоечка двойная, настоечка тройная“.

Вспоминаю интересные по составу исполнителей и по успѣшности исполненія спектакли у Лопухиныхъ въ ихъ старомъ, гостепріимномъ, очень характерномъ для старой Москвы, домѣ на Молчановкѣ (нынѣ Хомякова). Великолѣпно играла, вообще выдававшаяся талантливостью младшая изъ семьи Лопухиныхъ, Эмилія Алексѣевна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа П. А. Капвиста, нынѣ уже покойная. Хорошей партнершей ей была княжна Л. Н. Трубецкая; въ числѣ исполнителей состояли: знаменитый актеръ любитель Лашкевичъ, описанный въ романѣ Маркевича „Четверть вѣка назадъ“ подъ прозвищемъ „фанатика“, не менѣе известный любитель Щербачевъ, разъ выступилъ на Лопухинской сценѣ Петръ Федоровичъ Самаринъ, а подбиралъ куплеты для водевилей и разъ аккомпанировалъ намъ П. И. Чайковскій.

У Лопухиныхъ и безъ спектаклей всегда бывало весело и пріятно. Большая простота царила въ обиходѣ дома, типично стариннаго во всемъ, въ архитектурѣ (онъ былъ съ мезониномъ), расположеніи комнатъ, въ одной изъ которыхъ были налицо излюбленные въ старину колонны, въ мебелировкѣ. Да и жизнь семьи сложилась по-Московски, въ совершенной простотѣ, хозяйственной нетребовательности, но безграничной гостепріимности, ласковости и добродушіи.

Помнится даже входная дверь Лопухинскаго дома днемъ обычно не запиралась, а въ передней часто не было никого изъ прислуги и верхняя одежда своихъ и гостей висѣла и лежала на деревянномъ диванѣ въ безпорядкѣ. Во флигелѣ ихъ дома часто живали не только члены семьи и родственныя лица, но просто хорошіе знакомые и друзья дома. Старшіе иногда и не знали, что число обитателей флигеля увеличилось новымъ гостемъ. У Лопухиныхъ собиралось все лучшее Московское общество, лучшее въ дѣйствительномъ значеніи этого слова: у нихъ бывали и свѣтскія дамы и молодые люди, и представители тогдашней интеллигенціи, литераторы, художники, музыканты. Всѣ члены семьи были люди одаренные. Александръ Алексѣевичъ Лопухинъ былъ Московскимъ Мировымъ Судьею перваго состава, а потомъ занялъ выдающееся положеніе въ судебномъ мірѣ; о младшемъ Лопухинѣ Сергѣѣ Алексѣевичѣ я уже писалъ, какъ о человѣкѣ совершенно выдающемся.—Глава семьи, занимавшій одно время мѣсто прокурора Синодальной типографіи,—Алексѣй Александровичъ и проживавшая въ его семьѣ сестра его старушка Марья Александровна были въ свое всемя въ очень дружескихъ, близкихъ отношеніяхъ съ поэтомъ Лермонтовымъ.

Вспоминаю очень удачныя спектакли у Е. Н. и Н. Ф. Самариныхъ и у Мартыновыхъ. Къ участію въ этихъ спектакляхъ я уговорилъ товарища по университету Федю Соллогуба, тогда еще совершенно чуждаго Мельпоменѣ и, кажется, этимъ положилъ начало развившейся въ немъ потомъ до страсти любви къ театру.

Участвуя обычно въ организаціи концертовъ съ благотворительной цѣлью, мнѣ приходилось знакомиться съ личнымъ персоналомъ пѣвшей по зимамъ въ Москвѣ Итальянской оперы; съ нѣкоторыми пѣвцами и пѣвицами я вступалъ въ длившуюся поневолѣ короткое время дружбу, въ томъ числѣ, помню, съ баритономъ

Падиллой и басомъ-буффомъ Босси, а изъ пѣвицъ съ чрезвычайно миловидной Джуліей Бенатти, обладавшей очень маленькимъ, но пріятнымъ сопрано и веселымъ нравомъ. Ей, совсѣмъ молоденькой, было, повидимому, весело болтать со мною и нѣсколькими товарищами, посѣщавшими гостиницу Лабади на Лубянкѣ, гдѣ жила почти вся итальянская труппа. Мы познакомили ее съ выдающимися романсами Глинки и Дорогомыжскаго, пѣли съ ней даже дуэты, учили говорить по-русски, поддерживали ее въ ея выступленіяхъ въ оперѣ и концертахъ, и у Бенатти составилось, повидимому, убѣжденіе, что мы—Московское студенчество общественная сила и можемъ вліять даже на дирекцію казенныхъ театровъ, а что я одинъ изъ главарей студенчества („Un des doyens“). И вотъ, когда на слѣдующій послѣ ея пребыванія въ Москвѣ годъ, импрессаріо Итальянской оперы, повидимому, не собирався пригласить ее на гастроли въ Москву, пришедшуюся ей по вкусу, Бенатти написала мнѣ письмо, въ которомъ просила меня и вообще студентовъ Московскаго Университета повліять на администрацію Большого театра въ томъ направленіи, чтобы ее непременно включили въ составъ итальянской оперы. Не зная моего личного адреса, она написала его такъ: „Moscou Université. A M-r Davidoff“. Въ то время на математическомъ факультетѣ состоялъ кажется деканомъ профессоръ математики Давыдовъ и письмо, конечно, было доставлено ему. Не сомнѣваясь въ томъ, что письмо направлено именно къ нему, профессоръ вскрылъ его и сталъ читать. Будучи глубокимъ ученымъ, къ тому же представителемъ отвлеченной науки—высшей математики, Давыдовъ не сразу постигъ, что письмо не касалось его, а дочиталъ таки, съ громаднымъ недоумѣніемъ, до конца и убѣдился наконецъ, что Бенатти писала не ему. Не зная, что дѣлать съ письмомъ, онъ передалъ о случившемся нашему субъ-инспектору П. П. Барсову, дружившему со сту-

дентами, а тотъ, узнавъ, что дѣло касалось оперы и вообще театра, догадался, что адресать не кто иной, какъ я, такъ какъ въ университетѣ знали, что я близокъ театру. Я подтвердилъ Барсову, что знаю М-ле Benatti и что она могла мнѣ послать письмо, и мнѣ было назначено въ профессорской личное свиданіе съ Давидовымъ, который самъ передалъ мнѣ письмо пѣвицы, извинившись въ невольной некорректности.

А разъ я былъ свидѣтелемъ недоразумѣнія совсѣмъ другого рода. Это было въ 1866 году, вскорѣ послѣ покушенія Каракозова на жизнь императора Александра Николаевича. Въ дворянскомъ собраніи американскій скрипачъ-виртуозъ Олебуль давалъ концертъ, окончившійся по требованію публики исполненіемъ оркестромъ, которымъ дирижировалъ Н. Г. Рубинштейнъ, „Боже царя храни“. Часть публики, въ средѣ которой было не мало студентовъ, подхватили гимнъ и вышли на улицу съ пѣніемъ его. Порядочная кучка пѣвшихъ, уже на улицѣ, увидавъ выходившаго изъ собранія подъ руку съ Олебулемъ Рубинштейна, окружила его и упростила продирижировать пѣніемъ. Рубинштейнъ согласился и, не оставляя Олебуля, съ которымъ они собирались гдѣ-то вмѣстѣ обѣдать, пошелъ впереди пѣвшей толпы. А она все увеличивалась, такъ какъ день былъ праздничный, а кромѣ того какъ разъ въ это время на Красной площади праздновалось избавленіе Государя отъ опасности и шло угощеніе народа. Толпа, бывшая на Красной площади, съ криками „ура“ поглотила пѣвцовъ съ дирижеромъ и повлекла ихъ за собою, требуя повторенія гимна. Рубинштейна и невольно шедшаго съ нимъ неразлучно Олебуля подняли на руки и, донеся ихъ до Лобнаго мѣста, поставили на него, и съ этой трибуны Рубинштейнъ еще разъ продирижировалъ гимнъ, пѣвшійся очень нестройно, но внушительно, уже тысячнымъ хоромъ. Кликамъ „ура“ не было конца и подъ нихъ старикъ Олебуль любезно

раскланивался на лобномъ мѣстѣ съ толпой, снимая шляпу и махая ею. Онъ, не зная въ чемъ дѣло и не понимая русскаго языка, вообразилъ, что это публика, восхищенная его игрой, устроила ему овацію. Не безъ труда удалось освободить Рубинштейна съ его компаньономъ и провести ихъ черезъ толпу, которая продолжала пѣть и волноваться, и, насколько помню, двинулась съ Красной площади къ Генералъ-Губернаторскому дому. Ужъ не знаю, разъяснилъ ли Рубинштейнъ Олебулю недоразумѣніе, или американскій виртуозъ такъ и остался при убѣжденіи, что въ Москвѣ оцѣнили его талантъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо и чествовали его дѣйствительно грандіозно.

Состоя на первомъ курсѣ юридическаго факультета, въ 1865 году, я засталъ между прочимъ кружокъ студентовъ и только что окончившихъ курсъ молодыхъ людей-германофиловъ. Почти всѣ члены этого совершенно свободного, не зарегистрированнаго, кружка бывали въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ въ нѣмецкихъ университетахъ, въ Галле или Гейдельбергѣ. Иные изъ нихъ серьезно и много работали у тамошнихъ профессоровъ, а другіе увлекались болѣе легкомысленными занятіями тогдашнихъ нѣмецкихъ буршей, дрались на „шлегерахъ“ (рапирахъ), о чемъ даже свидѣтельствовали оставшіеся у нихъ на лицѣ рубцы, и не пропускали веселыхъ пивныхъ „коммершовъ“ нѣмецкихъ товарищей. Они завели, по примѣру нѣмцевъ, и въ Москвѣ такую Bier Кнеipe, гдѣ члены кружка обязательно собирались по субботамъ вечеромъ. Помѣщалось собраніе это въ двухъ комнатахъ надъ пивной Даніельсона, находившейся въ небольшомъ бѣломъ домикѣ на Тверскомъ бульварѣ, теперь уже не существующемъ, въ его мезонинѣ, по субботамъ недоступномъ постороннимъ посѣтителямъ. И тутъ происходила точная копія нѣмецкихъ Студенческихъ „коммершевъ“: пѣлись нѣмецкія студенческія пѣсни, происходили разныя церемоніи

въ родѣ „Fuchs-ritt“ (пѣніе тутъ кончалось стихомъ: „So wird der Fuchs zum Bursch“) Salamander Reiben и т. п. Была введена строгая нѣмецкая дисциплина, и выпивалось большое количество пива. Помнится, одинъ изъ посѣтителей субботъ разъ достигъ 22 бутылокъ пива. Послѣ одного изъ такихъ собраній, очень затянувшись,—а дѣло было весной,—молодая компанія, выйдя изъ пивной и, очутившись на прилегающемъ къ ней Тверскомъ бульварѣ, пустынномъ въ этотъ часъ, было четыре утра, подбодренная, послѣ душистой пивной, свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, весело и шаловливо настроенная, рѣшила пройти бульваръ до конца его „чехардой“, то-есть перепрыгивая, при постоянномъ движеніи впередъ и перемѣнѣ мѣстъ, одинъ черезъ другого. Такъ и было сдѣлано. Это столь оригинальное для городского бульвара, удачно исполненное, шествіе привело въ совершенный восторгъ обывателя, повидимому, изъ мѣщанъ, стоявшаго въ концѣ бульвара и все время слѣдившаго за играющими. Когда совершился послѣдній прыжокъ онъ, радостно улыбаясь, закричалъ: „Вотъ оно Сулье-то! Ура!“ Надо сказать въ разъясненіе восклицанія обывателя, что въ то время былъ въ Москвѣ, находившійся на Воздвиженкѣ, охотно посѣщавшійся публикой, циркъ „Сулье“.

Кромѣ упомянутыхъ мною раньше товарищей по Университету, близкихъ мнѣ Муромцева, Духовского, Муравьева, князя Л. С. Голицына, Соллогуба и Прокуниныхъ назову еще братьевъ Мартыновыхъ. Старшій изъ нихъ Сергѣй, поступившій по окончаніи курса въ 1869 году въ число кандидатовъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ судѣ, быстро выдвинулся, какъ блестящій ораторъ, на поручавшихся ему судомъ (тогда кандидатамъ и въ Москвѣ давались такія порученія) защитахъ, но вскорѣ же ушелъ навсегда въ провинцію и оставилъ судебное вѣдомство; въ одно время со мной были въ Университетѣ и дружили со мной

князь Владимиръ Михайловичъ Голицынъ—бывшій Московскій Городской Голова, а нынѣ почетный гражданинъ г. Москвы, Лешковъ—сынъ профессора и декана юридическаго факультета, скончавшійся уже лѣтъ 15 тому назадъ, братья Архиповы, Перфильевъ, Комсинъ, и князья Оболенскіе. Наибольшую извѣстность изъ нихъ приобрѣли Н. В. Муравьевъ, долго занимавшій постъ Министра Юстиціи, и С. А. Муромцевъ, съ которымъ у меня до послѣдняго дня его жизни сохранились близкія дружескія отношенія.

С. А. Муромцевъ уже въ университетѣ проявлялъ всѣ тѣ качества и выдающіяся способности, которыя въ концѣ его карьеры, полной свѣта и тѣней, славы и горечи, вызвали, вполне справедливо и заслуженно, избраніе его на первый государственно-общественный постъ политически обновленной Россіи. Онъ усидчиво и съ бѣльшимъ, думается, чѣмъ кто либо изъ насъ проникновеніемъ углублялся въ изучаемыя имъ науки, весь отдаваясь этому дѣлу, твердо держался разъ принятаго рѣшенія и неуклонно шелъ къ осуществленію задуманнаго; въ рѣчахъ его не было показнаго красно-рѣчія и пафоса, онѣ отличались спокойствіемъ, положительностью и серьезностью содержанія, рѣдко свойственными молодежи. Въ средѣ товарищей С. А. пользовался уваженіемъ и авторитетомъ, хотя не стремился къ нимъ и не былъ признаннымъ главой какого либо кружка. Одно время Муромцевъ былъ очень близокъ съ товарищемъ своимъ по факультету и курсу княземъ Л. С. Голицынымъ, недавно скончавшимся.

Въ тѣ годы Голицынъ являлъ изъ себя очень оригинальную фигуру. Человѣкъ богатый, воспитывавшійся частью въ Польшѣ, частью во Франціи, онъ лѣтъ двадцати поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, при чемъ въ то время почти совершенно не владѣлъ русскимъ языкомъ. Но министерская служба и петербургская свѣтская жизнь

не удовлетворили его; онъ вышелъ въ отставку, энергично принялся за изученіе русскаго языка и уже вскорѣ, выдержавъ при гимназіи надлежащій экзаменъ, вступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета. Занимался онъ урывками, запоемъ, запираясь одинъ или съ кѣмъ-либо изъ пріятелей и работая днемъ и ночью, а тамъ внезапно совсѣмъ исчезалъ изъ Москвы, устраивалъ свои матеріальныя дѣла, ѣздилъ за границу. Постоянной квартиры у него, кажется, не было; онъ жилъ то у кого либо изъ товарищей, то въ Кокоревкѣ, гдѣ у него собирались его многочисленные друзья (Муромцевъ, Духовской, Фуксъ, Элкинъ и многіе другіе). Голицынъ особенно увлекался римскимъ правомъ и пожалуй еще болѣе представителемъ этой дисциплины въ Московскомъ университетѣ

Князь Левъ Сергѣевичъ Голицынъ
на I курсѣ Московскаго Университета.

Н. И. Крыловымъ, который съ своей стороны симпатизировалъ Голицыну, издавшему, между прочимъ, прекрасно составленный при содѣйствіи Муромцева и Фукса курсъ лекцій Крылова по римскому праву. По окончаніи курса въ Университетѣ Голицынъ долгое время штудировалъ римское право у Іеринга, признавашаго его и Муромцева од-

ними изъ лучшихъ своихъ учениковъ. Голицынъ не признавалъ въ то время никакихъ условностей и общепринятаго порядка жизни и часто превращалъ ночь въ день и наоборотъ. Во время болѣе усиленныхъ научныхъ занятій, обычно съ Января, я переселялся къ Мартыновымъ, съ однимъ изъ которыхъ работалъ вмѣстѣ, и тутъ нерѣдко къ намъ являлся совершенно неожиданно Голицынъ, котораго мы нигдѣ не встрѣчали уже мѣсяца два, среди ночи, поднималъ насъ безжалостно, и у насъ начинался споръ, длившійся чуть ли не сутки, сперва на темы научнаго характера, а затѣмъ и на общественныя, политическія и другія. Спорщикъ въ то время Голицынъ былъ отчаянный. Говорилъ онъ хорошо, но часто путалъ русскій языкъ съ французскимъ, выражаясь, по-русски не всегда понятно. Экзамены держалъ онъ въ университетѣ всегда удачно, (судя по ставившимся ему отмѣткамъ), но я не вполне увѣренъ въ томъ, что его отвѣты точно совпадали съ вопросами, стоявшими въ экзаменаціонной программѣ профессора. Разъ съ нимъ по такому, или близкому сему поводу, произошелъ инцидентъ. Это случилось на экзаменѣ у профессора Юркевича, читавшаго намъ исторію философіи права. Взявъ билетъ, Голицынъ началъ отвѣчать, развивая предъ профессоромъ на своемъ особомъ діалектѣ, и не особенно понятно, какое-то положеніе, вѣроятно не безъ внесенія въ него личныхъ его взглядовъ. Юркевичъ нѣкоторое время слушалъ Голицына, пробовалъ раза два остановить его краснорѣчіе и возвратить къ существу билета, но Голицынъ уже занесся и, забывъ, что онъ на экзаменѣ, говорилъ, говорилъ... Наконецъ Юркевичъ вскочилъ, застучалъ по столу и, поблѣднѣвъ отъ волненія, объявилъ Голицыну, что онъ прекращаетъ экзаменъ и ставитъ ему единицу, такъ какъ онъ ничего не знаетъ и несетъ какой-то сумбуръ. Голицынъ разсвирѣпѣлъ, обидѣвшись на то, что его прервали, и на слово сумбуръ и, стук-

нубъ кулакомъ по столу такъ, что стоявшая на немъ
 фарфянда опрокинулась и разлетѣлась въдребезги.

Князь Владиміръ Сергѣевичъ Оболенскій.

— Завѣтъ на профессоръ: „Ра не сидите, такъ со мною
 и работайте, извольте хотя подумать“ — Юрійетъ былъ.

совсѣмъ миниатюрный человѣчекъ, сухой, словно пергаментный, бритый, въ синихъ очкахъ, а Голицынъ большого роста, широкоплечій, съ крупными чертами лица, большой бородой и длинной шевелюрой, а голосъ у него былъ громоподобный. Юркевичъ растерялся, дрогнулъ и быстро исчезъ изъ аудиторіи, гдѣ Голицынъ, оставшись въ качествѣ побѣдителя, продолжалъ ораторствовать предъ многочисленными слушателями, сбѣжавшимися на поднятый имъ шумъ. Исторія эта кончилась взаимными извиненіями Юркевича и Голицына и перекзаменовкой послѣдняго предъ особой комиссіей, которую онъ успѣшно выдержалъ.

Въ громадной вереницѣ университетскихъ товарищей и друзей юности, память моя всегда отличаетъ и охотно останавливается на давно уже скончавшемся князѣ Владимірѣ Сергѣевичѣ Оболенскомъ. Онъ представлялъ изъ себя рѣдкое явленіе—человѣка исключительной порядочности, благородства и душевной чистоты. Это была вполнѣ цѣльная натура, не знавшая никакихъ компромиссовъ, открытая, съ твердымъ характеромъ, направленная исключительно на добро какъ онъ его понималъ. Міровозрѣнія наши, особенно по вопросамъ соціальнымъ, религіознымъ, государствѣнію и многимъ другимъ, разнились довольно радикально, но тѣмъ не менѣе я уважалъ и любилъ Владиміра Сергѣевича какъ рѣдко кого. Я увѣренъ что во всю свою жизнь онъ ни разу не сказалъ неправды, даже въ мелочномъ, не обманулъ никого, не поступился ради личной выгоды какимъ либо убѣжденіемъ своимъ. Про Оболенскаго нѣмцы сказали бы: „Ein Mann—ein Wort“. Окончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, онъ поступилъ на военную службу, которая существующей въ ней дисциплиной, опредѣленностью задачъ и взглядовъ плѣняла его больше, чѣмъ какая-либо другая дѣятельность, доступная личнымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ

полковъ и, конечно, вскорѣ же сталъ въ положеніе выдающагося офицера, такъ какъ безъ какого либо послабленія исполнялъ всѣ, хотя бы и самыя скучныя, связанныя съ должностью, обязанности,—чувство долга было ему органически присуще. А затѣмъ и товарищи и начальники не могли не полюбить его уже за выдающуюся доброту и простой, веселый нравъ. По прошествіи немногихъ лѣтъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ тогдашнему наслѣднику, а затѣмъ Императору Александру III. По восшествіи на престолъ Государь назначилъ Оболенскаго на должность гофмаршала, въ каковой онъ и пребывалъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 18... году. Насколько мнѣ извѣстно Государь былъ лично расположенъ къ Оболенскому, цѣня его прямоту, доброту и откровенность. Пребываніе на вершинѣ, вблизи носителей власти, ради которой не мало борьбы совершалось и совершается близъ источника ея, не измѣнило Владиміра Сергѣевича ни на іоту, и онъ остался, занимая высокую должность при дворѣ, тѣмъ же простымъ, добродушнымъ и, главное, благороднымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ Университетѣ.

Перфильевъ и Комсинъ, съ которыми я дружилъ еще въ дѣтствѣ, бывая въ Тамбовѣ, воспитывались въ Тамбовской гимназіи, такъ какъ ихъ семьи коренныя Тамбовскія помѣщичьи. С. И. Комсинъ по днесь здравствуетъ, проживая частью въ своемъ имѣніи, а частью въ Петроградѣ, т. к. онъ состоитъ выборнымъ членомъ государственнаго Совѣта; долгое время служилъ по судебному вѣдомству и служилъ именно такъ, какъ оно указано въ судебныхъ уставахъ и какъ первыми судебными дѣателями понимались ихъ обязанности. Вся судебная дѣятельность С. И. прошла въ Тамбовѣ; началъ онъ ее въ качествѣ кандидата и специализировался на уголовныхъ защитахъ, ведя ихъ блестяще. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ назначенъ Товарищемъ Прокурора, а затѣмъ вскорѣ членомъ Тамбов-

скаго Окружнаго Суда и наконецъ Товарищемъ председателя по гражданскому отдѣленію. С. И.,—знатоку гражданского права и вообще тонкому юристу,—предлагались другія назначенія и повышенія, но онъ отказывался отъ нихъ, совершенно удовлетворяясь взятымъ имъ на себя скромнымъ, но полезнымъ и чуждымъ всякому вѣсудебному вѣянію, дѣломъ. Къ тому же С. И.,

Графъ Федоръ Львовичъ Соллогубъ.

коренной тамбовецъ, живая лѣтопись былой и позднѣйшей общественной жизни Тамбова и всей губерніи, не хотѣлъ разстаться съ мѣстностью, гдѣ онъ долго работалъ въ качествѣ земскаго гласнаго и пользовался выдающимся значеніемъ и авторитетомъ. Оставилъ онъ судебное вѣдомство, когда былъ избранъ членомъ Государственной Думы, въ которой онъ немедленно занялъ видное положеніе. Ѳ. В. Перфильевъ скончался совсѣмъ еще молодымъ, лѣтъ двадцать

пять тому назадъ. Онъ въ то время состоялъ Товарищемъ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда. Перфильевъ обладалъ поэтическимъ даромъ; стихотворенія его мало извѣстны, такъ какъ напечатано ихъ было очень немного, и, кажется только въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; они

благозвучны, красивы и симпатичны по мысли, вложенной въ нихъ; въ сущности онъ еще только начиналъ работать надъ своимъ дарованіемъ, развитію котораго положила предѣлъ его преждевременная смерть.

Воспоминаніямъ о другѣ моемъ Федорѣ Львовичѣ Соллогубѣ я уже посвятилъ цѣлую главу, но личность этого талантливѣйшаго человѣка настолько разнообразна и привлекательна, что неудержимо хочется говорить о немъ еще и еще. Въ немъ удивительно сливались наклонность и способность къ серьезному методичному труду съ расположеніемъ къ безшабашной фантастикѣ, богемству и буффонадѣ. Такъ, между прочимъ, онъ одно время увлекался фокусами, зависящими отъ ловкости рукъ и находчивости фокусника, и долго работалъ изучая это искусство; Соллогубъ добился своего и дѣлалъ великолѣпно фокусы съ игральными картами, папиросами, монетами, исчезновеніемъ вещей, вообще всѣмъ, что требуютъ быстроты и ловкости движенія рукъ; онъ превосходно жонглировалъ, „игралъ“ шарами, бросалъ въ цѣль ножами и т. п. Онъ кстати основательно изучилъ бытъ циркистовъ, атлетовъ и артистовъ по части жонглированія, собираясь написать очеркъ изъ жизни ихъ. Соллогубъ, пользуясь этими своими познаніями, любилъ учинить какую нибудь шутку. Такъ, разъ, лѣтомъ, сидя съ пріятелемъ въ вагонѣ II класса поѣзда Курской дороги, шедшаго изъ Москвы на Серпуховъ, близъ котораго Соллогубъ одно время жилъ, у открытаго окна, онъ пообѣщалъ пріятелю, что не сказавъ ни слова выживетъ съ противоположной имъ скамейкѣ сѣвшаго тамъ господина, на видъ приказчика или не крупнаго торговца, поставившаго подлѣ себя стариннаго фасона, съ ковровымъ верхомъ, саквояжъ. Соллогубъ сперва долго и внимательно смотрѣлъ на жилетную пуговицу своего товарища, а затѣмъ внезапнымъ движеніемъ руки словно поймалъ на ней мѣдный пятакъ, который тотчасъ же съ безгливой миной,

какъ нѣчто совершенно отвратительное, выкинулъ въ окно. Немного погодя онъ добылъ такой же пятакъ, и тоже выбросилъ его, уже изъ колѣнки пріятеля, потомъ изъ его носа, а наконецъ, видимо къ собственному удивленію, изъ своего уха. Сидѣвшій напротивъ Соллогуба пассажиръ, молча и неодобрительно смотрѣлъ на эти занятія, и вскорѣ, тяжело вздохнувъ, всталъ, взялъ свой мѣшокъ и, не сказавъ ни слова, ушелъ въ другое отдѣленіе. Соллогубъ обладалъ небольшою способностью магнетизированія: на примѣръ, сидя въ театрѣ и глядя въ упоръ въ затылокъ избранной имъ дамы или кавалера, онъ заставлялъ это лицо обернуться къ нему. А разъ, тоже въ вагонѣ желѣзной дороги, онъ при мнѣ объявилъ, что заставитъ одну пассажирку почесать свой носъ съ лѣвой стороны, и дѣйствительно добился этого, только глядя на нее. Онъ никогда не игралъ въ карты, не понимая даже прелести азарта, но иногда, шутки, ради, не предупредивъ о своемъ тайномъ замыслѣ, садился за какую-нибудь игру, азартную или такую, при которой ему приходилось „сдавать“, и съ мѣста начиналъ выигрывать во-всю, шулерничая самымъ отчаяннымъ, но незамѣтнымъ для партнеровъ, образомъ, о чемъ онъ, конечно, вскорѣ же объявлялъ и показывалъ, какъ именно слѣдуетъ незамѣтно, не рискуя быть побитымъ шандалами, подбирать и подмѣнивать карты. Я уже упоминалъ о томъ, что Соллогубъ бродилъ разъ по Италіи пѣшкомъ съ К. С. Шиловскимъ, увлекаая въ качествѣ *artistes forains* деревенскую публику въ тавернахъ игрою на гитарѣ и пѣніемъ Шиловскаго, а такъ же фокусами и жонглированіемъ Соллогуба. Ему часто приходилось жить за границей, особенно въ Италіи, къ которой онъ чувствовалъ всегда большое влеченіе, интересуясь ея стариной и произведеніями искусства; но слишкомъ долгое пребываніе внѣ Россіи, даже въ Италіи, утомляло его и на него нападало *Heimweh*, его начинало неудержимо тянуть домой, на родину. Какъ-то такое его настроеніе вызвало у него слѣдующій экспромтъ

Мнѣ надоѣли акведукты,
 Каррарскій мраморъ, Ватиканъ
 И пряно-сладостные фрукты
 Благословенныхъ южныхъ странъ!
 Безукоризненные лики
 Холодно мраморныхъ боговъ
 Я-бъ отдалъ всѣ за фунтъ брусники,
 За вонь дегтярныхъ сапоговъ!

Федоръ Львовичъ былъ типичный русскій человекъ, обладавшій всѣми характерными чертами, положительными и отрицательными, нашей расы. Ему органически близокъ былъ самый складъ, мотивъ русской народной поэзіи; рѣдко кто такъ близко чувствовалъ и понималъ красоту и поэзію нашихъ народныхъ сказокъ и былинъ; онъ умѣлъ передавать эту специальную красоту, что у него сказалось главнымъ образомъ въ прелестныхъ иллюстраціяхъ, о которыхъ я уже говорилъ, доступныхъ и теперь публикѣ и въ многочисленныхъ рисункахъ, имѣющихъ отношеніе къ былинамъ, разбросанныхъ его разсѣянной, не дорожившей собственнымъ талантомъ, рукою по бѣлу свѣту. Но это проникновеніе въ русское творчество сквозитъ у Соллогуба и въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, кажущихся по темѣ, по замыслу, незначительными, но увлекательныхъ, на мой взглядъ, именно тѣмъ, что въ нихъ чувствуется, прямо звучитъ нѣчто свое, родное, открывается красота русской сказки и пѣсни, наивная, и въ то же время, полная своеобразнаго юмора. Таковы, наприкладъ, его:

Ночная пѣснь.

Вкругъ уснувшей земли
 Сонъ съ дремою прошли
 Къ полуночи обычнымъ дозоромъ.

Заглянули въ лѣса,
 Оглядѣли поля
 Своимъ тихимъ лелѣющимъ взоромъ.
 Садъ душистый, село,
 Огородъ и гумно
 Облетѣли неслышнымъ полетомъ:
 Спитъ въ лѣсу лѣсовикъ,
 Спитъ въ водѣ водяникъ —
 Сонъ съ дремой легли на нихъ гнетомъ.
 Позабывши обходъ,
 Сторожъ спитъ у воротъ,
 Головою склонясь на ограду.
 И собаки кругомъ
 Спятъ, свернувшись клубкомъ...
 Сонъ съ дремою проходятъ по саду:
 Заглянули въ окно —
 Тамъ все тихо, темно,
 Челядь спитъ по клѣткамъ и чуланамъ.
 Спитъ твой грозный отецъ
 Недвижимъ какъ мертвецъ,
 За столомъ съ недопитымъ стаканомъ.
 Въ своемъ теремѣ мать
 Ужъ легла на кровать
 И, крестясь, мирнымъ сномъ засыпаетъ...
 Вкругъ уснувшей земли
 Сонъ съ дремою прошли...
 Милый твой подъ окномъ распѣваетъ!

II.

Лѣтнія грезы.

Въ болотѣ мшистомъ бѣсъ аукнулъ,
 Въ бору сычъ голосъ подаетъ,
 Въ деревнѣ сторожъ въ доску стукнулъ,
 Ужъ время за полночь идетъ...

По тихимъ заводямъ русалочки толпою,
 Какъ рыбки плещутся при мѣсяцѣ лучахъ
 И гребень золотой съ прозрачною рукою
 Мелькаетъ, словно лучъ, въ зеленыхъ волосахъ.
 А дядя водяной,—забавникъ бородатый,
 На берегу сидитъ. Съ нимъ лѣсовикъ рогатый
 Бесѣду важную, какъ лѣса гуль, ведетъ...
 А тамъ, высоко надъ землею,
 Какъ лебедь тихою рѣкою,
 Луна спокойная плыветъ.

III.

Призывъ.

Выходи! Луна мерцаетъ,
 Ночь такъ дивно хороша!
 Мы пойдемъ лѣсной тропою
 Молчаливо, не спѣша.
 Мы пойдемъ,—и вслѣдъ за нами
 Полетитъ видѣннй рой....
 Всѣ мечты моей созданья
 Поведешь ты за собой.
 Выходи! Уже на небѣ
 Водятъ звѣзды хороводъ...
 Повернемъ заснувшей степью
 Мы направо изъ воротъ.
 По дорогѣ серебристой,
 Какъ по млечному пути,
 Далеко въ такую пору
 Можно, милая, уйти!
 Или нѣтъ! Иди скорѣе,
 Сядемъ въ лодку мы съ тобой,
 Понесемся по теченью
 Перекатною волной.
 Выходи лишь! Степь и рѣчку,

Лѣсъ и звѣзды, и луну
 Мнѣ не нужно, дорогая,
 Нужно мнѣ тебя одну!
 Твою тихую походку,
 Звукъ задумчивыхъ рѣчей
 И душой твоей согрѣтый
 Свѣтъ привѣтливый очей!

Какъ просты, а въ тоже время красивы эти небольшие стихотворенія, безыскусственно безъ надуманныхъ выраженій, ломанья, хорошимъ русскимъ языкомъ передающія впечатлѣнія и мысли, навѣянная картиной деревенскаго вечера, встрѣчи...

Но и совершенно иные приемы стихосложенія были не чужды Соллогубу. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе совсѣмъ другого склада:

Дракаръ.

И плещется тихое море
 И тихую пѣсню поетъ
 Про старое мертвое горе
 И мертвое снова живетъ.

Съ богатаго дальняго юга
 Росписанный дракаръ летитъ,
 Съ волною играя упругой
 И веслами пѣну кропитъ.

Въ кругу, на помостѣ высокс
 Лихіе варяги сидятъ
 И сытаго хищника окомъ
 На берегъ зеленый глядятъ.

Добычей наполнены трюмы,
 О славѣ ихъ скальды поютъ,

Ихъ тянетъ на сѣверъ угрюмый.
Но дологъ до родины путь.

Вотъ ночь наступила, а съ нею
Примчался ликующій шквалъ,
И море вскипѣло, темнѣя,
И вздыбился пѣнистый валъ.

По утру вновь солнце блистало
Надъ зеркаломъ стихнувшихъ водъ
И моря лазурь отражала
Сверкающихъ чаекъ полетъ.

Подъ тихою гладью морскою,
Залитый соленой водой,
Съ дружиной своей боевою
Спитъ дракаръ, пробитый скалой...

И плещется тихое море
И тихую пѣсню поетъ
Про старое мертвое горе,
И мертвое снова живетъ.

Заканчивая отрывочныя воспоминанія мои о доро-
гомъ другѣ молодости, приведу еще одно его стихотвор-
ное письмо ко мнѣ, отвѣтъ на какое то мое „испани-
ское“ шуточное посланіе, въ которомъ говорилось объ
„Инесѣ, Тибрѣ, гитарѣ, шпагѣ и ревности“.

Кокоша, я лежу въ постели
Не бездыханенъ, но больной:
Бѣлки глазные пожелтѣли,
Печенка же гора горой!
Ланиты блѣдныя ввалились,
Печально удлинился носъ,
На подбородкѣ появилось
Колючихъ множество волосъ;

И я лежу въ тоскѣ унынья,
 Забытъ привычный кликъ побѣдъ,
 Позеленѣлъ весь, какъ полынь, я
 И чашка чаю—мой обѣдъ.
 Къ ножнамъ клинокъ приржавѣлъ шаги
 И не мечей мнѣ слышенъ звонъ,
 А только звякъ микстурной фляги
 Объ пузырекъ съ „Лодеколонъ“.
 На стѣнкѣ безъ употребленья
 Виситъ уныло епанча,
 Друзья ночного похождения —
 Съ ней два заржавленныхъ ключа.
 Увы! Два перла мірозданья
 Напрасно ждутъ желанный звукъ —
 Ключа знакомое щелканье
 И тайной двери легкой стукъ.
 О да! Вѣрна моя Эльвира,
 Инеса мнѣ не измѣнитъ,
 Скорѣй волна Гвадалквивира
 Отъ моря въ горы побѣжитъ.
 Но если бы... О духи ада!..
 Но если бы, когданибудь
 Чужой гитары серенада
 Имъ взволновало тайно грудь...
 О ядъ! О кровь! О шпаги жало!
 О сердцу сладостная месть...
 Ой-ой! Опять вотъ больно стало,
 И скрючило,—ни встать, ни сѣсть!..

Этими обрывками воспоминаній изъ поры дѣтства
 и ранней юности я пока ограничиваю первую главу
 моей книги, не оставляя однако намѣренія составить и
 издать воспоминанія изъ позднѣйшей эпохи, обнимаю-
 щія и Московскій періодъ моей жизни, Университетскую
 дѣятельность и послѣдніе годы моей судебной службы.

